ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-8-52

УДК 82(09) Набоков

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Находчивая Мнемозина Архивные материалы к мемуарам Набокова

А.А. Бабилов

Аннотация: Настоящая работа посвящена преимущественно начальному этапу сочинения на английском языке мемуарной книги Владимира Набокова «Conclusive Evidence» / «Speak, Memory» (1951). По переписке Набокова и архивным материалам раскрывается история создания композиции книги, подробно рассмотрен ряд ее предварительных и рабочих названий, включающий ранние мемуарные очерки 30-х годов под названием «It is Me» («Это я») и первое постоянное название «The House Was Here» («Здесь стоял дом»). Контрапунктная структура мемуаров Набокова сопоставлена с его последним русским романом «Дар» и последним оконченным английским романом «Взгляни на арлекинов!» (1974), представляющим собой завершение серии автобиографических произведений Набокова и преобразенное вымыслом продолжение мемуарного проекта писателя. Тексты двух архивных сочинений, вступление к «Здесь стоял дом» и последняя, шестнадцатая глава книги, публикуются в русском переводе с комментариями публикатора.

Ключевые слова: Мемуары В.В. Набокова, архивные материалы, перевод на русский язык, особенности автобиографического повествования, композиция мемуарной книги Набокова, «Conclusive Evidence», «Speak, Memory», «Другие берега», «Взгляни на арлекинов!».

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабилов, исследователь литературы русского зарубежья, Москва, Россия. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Книга воспоминаний Набокова, известная русскому читателю как «Другие берега» (1954), была начата в середине 30-х годов в Европе серией автобиографических очерков на французском и английском языках, претерпела ряд метаморфоз в 40-х годах, печаталась отдельными рассказами в американских журналах с 1943 по 1951 годы, и наконец увидела свет в феврале 1951 года под названием «Conclusive Evidence. A Memoir» («Убедительное дока-

зательство. Автобиография»). Это интригующее заглавие из юридического словаря вскоре, однако, было заменено более броским — «Speak, Memory» («Свидетельствуй, память»), под которым автобиографический роман Набокова издавался до 1966 года, когда вышла его уточненная и дополненная редакция «Speak, Memory. An Autobiography Revisited» («Свидетельствуй, память. Пересмотренная автобиография»). Но и после этого издания Набоков не оставлял мыслей продолжить книгу, упомянув в самом предисловии к нему о намерении однажды написать «Свидетельствуй дальше, память» («Speak on, Memory»), посвященную американским годам его жизни (1940–1960).

В 1973 году он сообщил издательству «McGraw-Hill» о своем определенном желании написать вторую часть воспоминаний — «Свидетельствуй, Америка»: «У меня уже собрана коллекция заметок, дневников, писем и проч., но чтобы как следует описать мои американские годы, потребуются расходы, поскольку мне нужно будет вновь посетить несколько мест в Америке, как, например, Нью-Йорк, Бостон, Итаку, Большой Каньон и еще кое-какие иные западные уголки. Пожалуй, пятнадцать месяцев было бы вполне довольно, чтобы написать эту книгу, которую теперь вижу куда яснее, чем то было прежде. Постараюсь в ней никого не обидеть, так что не придется дожидаться, пока все благополучно отойдут в мир иной»¹.

В силу различных обстоятельств, как случилось и со второй частью «Дара» в начале 40-х годов, этот замысел остался в набросках, но не пропал втуне. Mutatis mutandis, американские воспоминания вошли, причудливо преломленные, в последний набоковский *Künstlerroman* «Взгляни на арлекинов!» (1974)². Эти «окольные мемуары», как и «Speak, Memory» / «Другие берега» — род *experimentum crucis*³, и их следует рассматривать в том числе как автокомментарий к его многолетнему биографическому проекту. Так, финал «Арлекинов», с обретенной наконец повествователем

¹ *Nabokov Vladimir. Selected Letters (1940–1977) / Ed. by D. Nabokov and M. J. Briccoli. Harcourt Brace Jovanovich. San Diego et al. 1989. P. 508.*

² Названный Ю. Левиным «травестийным коррелятом “Других берегов”» (точнее было бы сказать — «Speak, Memory»). (Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // *Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 383.*

³ В письме к Эдмунду Уилсону от 7 апреля 1947 г. Набоков сообщил, что одновременно с «коротким романом о человеке, которому нравились маленькие девочки», он работает над «автобиографией нового вида — научной попыткой обнаружить и ретроспективно проследить все запутанные нити отдельной личности» (*Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971 / Ed. by S. Karlinsky. California University Press: Berkeley et al., 2001. P. 215.*)

истинной любовью его жизни, названной «Ты», обращен к началу последней главы «Speak, Memory»: «Наш сын растет; розы Пестума, туманного Пестума, отцвели; люди неумные, с большими способностями к математике, лихо добираются до тайных сил природы, которые кроткие, в ореоле седины, и тоже не очень далекие физики предсказали (к тайному своему удивлению)»⁴. В «Арлекинах»:

«Я обратил твое внимание на красоту высоко выющихся роз. [...] «Все это замечательно, — сказал я, берясь за рычаги своего кресла-каталки, направляясь с твоей помощью обратно в свою палату. — И я благодарен, я тронут, я исцелен! И все же твое объяснение — это лишь тонкий софизм — и ты это знаешь; идея попытаться обратить время — это *trouvaille*; это напоминает (целую руку, опущенную на мой рукав) точную и ясную формулу, которую выводит физик, чтобы люди были счастливы, — до тех пор (зевая, забираясь обратно в постель), пока другой какой-нибудь умник не хватается за мел»»⁵.

Логично, что в списке «Других книг повествователя», приведенном на первой странице «Арлекинов» и имеющим разного рода соответствия с книгами Набокова («Тамара» — «Машенька», «Ардис» — «Ада» и т.п.), не хватает одного важного сочинения — «Speak, Memory», замещенного этими самыми квазимемуарами «Взгляни на арлекинов!» (только у этих двух из всех — названия-обращения). Помимо проблемы раскрытия уникального узора судьбы героя, обе книги посвящены теме влияния любви на искусство и давно занимавшей Набокова загадке пространства и времени, о которой говорится в конце «Других берегов»: «Что-то заставляет меня как можно сознательнее примеривать личную любовь к безличным и неизмеримым величинам, — к пустотам между звезд, к туманностям [...] к ужасным западным вечности, ко всей этой беспомощности, холоду, головокружению, крутизнам времени и пространства, непонятым образам переходящим одно в другое».

Очевидно, что проект продолжения книги воспоминаний Набоков сначала отложил, а позднее и вовсе отменил из-за сочинения этого остроумного эпилога к длинному ряду своих автобиографических вещей, от «Машеньки» до «Пнина». Его могло остановить, кроме прочего, соображение, что вторая часть воспоминаний уже не сможет взять начало из того тематического центра

⁴ Здесь и далее цитаты из «Других берегов» приводятся по изданию: *Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5.*

⁵ *Набоков В. Взгляни на арлекинов! / Перевел и снабдил прим. А. Бабинов. Изд. 4-е, уточн. и доп. СПб.: Азбука, 2016. С. 264–266. О некоторых особенностях отражения автобиографии в последнем романе Набокова см.: Couturier M. La figure de l'auteur. Paris: Seuil, 1995.*

спирали, из которого, расширяясь с каждой главой, берут начало «Другие берега» — из его детства.

Мемуары Набокова изучены довольно основательно⁶ и здесь нет нужды излагать все перипетии этого сложного замысла; однако о некоторых их сторонах и промежуточных стадиях по-прежнему известно немного.

Одной из таких лагун является тот этап создававшейся книги, когда она носила совсем иное название — «The House Was Here» («Здесь стоял дом») и имела короткое лиричное вступление, сохранившееся в вашингтонском архиве писателя⁷. Первым предварительным или рабочим заглавием книги было «Solus Rex» («Одинокий Король» — из книги «Термины и темы шахматных задач» новозеландского шахматного композитора Стюарта Блэкберна⁸) — название последнего неоконченного русского романа Набокова, который начал печататься еще в парижских «Современных Записках» (1940), но после переезда Набокова в Америку продолжен не был. С ним связано самое первое известное нам общее описание замысла автобиографии в письме Набокова от 22 сентября 1946 года к редактору издательства «Doubleday», в котором и возникает этот термин шахматной композиции в качестве пробного названия книги:

⁶ См.: Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 171–198; *Diment Galya*. Vladimir Nabokov and the Art of Autobiography // Nabokov and His Fiction. New Perspectives / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 1993. P. 36–53; *Nivat George*. Speak, Memory // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York, 1995. P. 672–685; *Diment Galya*. Nabokov's biographical impulse: art of writing lives // The Cambridge Companion to Nabokov / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 2005. P. 170–184; Маликова М., Трезьяк Джоанна. Сквозняк из прошлого // Звезда. 1999. № 4. С. 81–91 (с переводом отрывков из 16-ой гл. «Убедительного доказательства»); Маликова М. Набоков: Авто-биография. СПб.: Академический проект, 2002; Васильева Е.В. Автобиографическая проза Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memory!» <sic!>: история создания, художественная и жанровая специфика. Диссертация на соискание ученой степени к. ф. н. Томск, 2005.

⁷ Бойд приводит его в примечаниях к «Speak, Memory»: *Nabokov Vladimir*. Novels and Memoirs 1941–1951 / Ed. by Brian Boyd. New York: The Library of America, 1996. P. 695.

⁸ *Blackburne S.S.* Terms and Themes of Chess Problems. London: George Routledge & Sons, 1907. P. 31: «If the King is the only Black man on the board, the problem is said to be of the “Solus Rex” variety» («Если единственной черной фигурой на доске остается король, такая задача относится к типу “Solus Rex”»). На этот источник указал Набоков в примечании к английскому переводу «Solus Rex». Ср. параномазию в названии книги Блэкберна, а также: *Miles John A.* Poems and Chess Problems (1882) с заглавием сб. стихов и шахматных задач Набокова «Poems and Problems» (1969).

«Это будет автобиография нового типа, или скорее гибрид автобиографии и романа. От последнего в ней — наличие определенного сюжета. Из разных пластов личного прошлого будут образованы как бы берега, между которыми устремится поток физических и ментальных приключений. Предполагается изображение множества различных стран и людей, а также образов жизни. Мне трудно изложить замысел более точно. Поскольку мой метод совершенно нов, я не могу прикрепить к нему расхожего ярлыка из тех, что мы обсуждали. Если начну рассказывать подробно, то неизбежно соскользну к таким выражениям как “психологический роман” или “детектив”, в котором разыскивается прошлое человека, что не передаст ощущения новизны и открытия, которые отличают мою книгу, как я вижу ее в своем сознании. Это будет последовательный ряд коротких отрывков, напоминающих эссе, которые вдруг начинают набирать движущую силу и складываться во что-то весьма причудливое и динамичное: невинные как будто составные части совершенно неожиданного варева⁹. Уверен, что смогу написать эту книгу за 1½–2 года. [...] Мне очень дорого Ваше внимание к моему сочинению. Не сомневаюсь, что Вы отметите его непреходящую ценность. С этой точки зрения “Solus Rex” (я, вероятно, сменю название) — беспрोगрышный вариант¹⁰».

Действительно, Набоков вскоре сменил это название, отбрасываящее длинную тень в его русское литературное прошлое, и «книга в работе» получила новое предварительное заглавие — «The Person in Question», также не без юридического оттенка («Обсуждаемое лицо», «Тот самый», «Данное лицо» и т. п.), о чем Набоков написал 7 апреля 1947 года Эдмунду Уилсону.

После «Солус Рекс’а» и «Данного лица», Набоков, судя по всему, отказался от мысли связывать название автобиографии, вос-

⁹ В этом отношении мемуары Набокова близки по своему устройству «Поискам» Пруста. Ср. замечание С. Бочарова: «Сочинение Пруста так легко воспринять как сплошной поток воспоминаний и впечатлений, слабо организованное собрание фрагментов и тонких замечаний, за которыми очень не просто разглядеть “единый замысел” и направляющие линии большой книги. Ничто не доставляло большего огорчения и досады автору, чем подобное понимание его труда. “То, что критики называют произведением без композиции, пишущимся по прихоти воспоминаний” — писал он 24 сентября 1919 Франсуа Мориак и 10 ноября того же года Полю Судэ: “Я нахожу читателей, воображающих, будто я пишу, предаваясь случайным и произвольным ассоциациям идей, историю собственной жизни”. Жаку Ривьеру 7 февраля 1914 (после выхода первого тома, “В сторону Свана”, который читатели и критики особенно склонны были рассматривать как воспоминания): “Наконец, я нахожу читателя, *угадавшего*, что моя книга — догматическое сочинение, что это конструкция!”» (О «конструкции» книги Пруста // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 404).

¹⁰ *Nabokov V.* Selected Letters. P. 69–70.

ходящее к его начальному мемуарному очерку середины 30-х годов «It is Me» («Это я»), с персоной самого мемуариста. Тогда-то и возникло отвлеченно-ностальгическое «The House Was Here».

В доступных нам источниках это название встречается лишь однажды в письме Набокова к сестре Елене от 6 декабря 1949 года, где оно приводится без каких-либо оговорок — предварительное, рабочее и т.п.: «У меня уже готовы тринадцать глав моей книги “The House Was Here” (большинство из них печаталось или будут печататься в New Yorker’е. А выйдет у Harpers Brothers)»¹¹. Несколько дней спустя Набоков написал о том же своему другу и редактору «Опытов» Роману Гринбергу, не упомянув названия книги: «Я как Боборыкин пишу много и хорошо, кончаю книжку свою автобиографическую, только что в New Yorker’е (на прошлой неделе) появилась глава “Тамара” и еще продал две штуки»¹². По прошествии восьми месяцев он сообщил сестре (3 августа 1950 года), что автобиография получила другое название: «Моя книжка выйдет в январе у Harpers и будет называться “Conclusive Evidence”»¹³.

Отсюда можно заключить, что книга носила название «Здесь стоял дом» недолго, вероятно, меньше года, и что таковым, по-видимому, было ее самое первое постоянное заглавие. Но примечательно, что и позднее, вплоть до середины 50-х годов, ее имя (и английское и русское) оставалось или не вполне определенным или не удовлетворяющим автора¹⁴. 22 марта 1951 года, уже после выхода в Америке «Conclusive Evidence», Набоков предлагал своему британскому издателю на выбор несколько названий: «Кромка радуги», «Улики» / «Путеводные нити»¹⁵, «Свидетельствуй,

¹¹ Набоков В. Переписка с сестрой. Ann Arbor: Ardis, 1985. С. 59.

¹² «Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., пред., комм. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина / Сост. В.Е. Аллой, Т.Б. Притыкина. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2000. С. 365.

¹³ Переписка с сестрой. С. 62–63.

¹⁴ Осенью 1950 г. Набоков писал Р. Гринбергу, что название «Conclusive Evidence» Уилсон не одобрил, а ему самому «нравится — философски-оправданно и есть музыкальный холодок» (Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Публ., комм. Р. Янгирова // Диаспора. Новые материалы. [Вып.] I. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2001. С. 496).

¹⁵ Это название («Clues» — ключи к разгадке, ход мыслей, улики, путеводные нити) могло бы кое-что сказать и русскому читателю, напоминая «Улику» (1922) В. Ходасевича, где деталью, уличающей поэта «в нездешнем счастье», оказывается «тонкий, длинный» волос возлюбленной/музы. Ср. в стихотворении Набокова «Вечер на пустыре» (1932) о поэтическом вдохно-

Мнемозина!», «Грань призмы» (название романа Севастьяна Найта), «Линялое перо» (из концовки стихотворения Роберта Браунинга «Памятные вещи», 1855, и с намеком на перемену языка с русского на английский), «Дебют Набокова» (шахматный термин, напоминающий о первой большой удаче Набокова — «Защите Лужина») и «Эмблемата»¹⁶. В письме к Уилсону два дня спустя он сообщал, что для книги воспоминаний искал самое отвлеченное из возможных названий, а кроме того, подбирал разные короткие имена, упомянув те же «Улики» (одно из значений термина «conclusive evidence» — решающая улика) и одно новое: «Ловля ночниц»¹⁷. В предисловии к «Speak, Memory» Набоков указывает еще одно пробное название — «Антемион», «орнамент, состоящий из искусно сплетенных расширяющихся кистей жимолости», — которое «никому не пришлось по душе»¹⁸.

В первой публикации глав из русского перевода «Conclusive Evidence» в журнале «Опыты» (№ 3, Нью-Йорк, 1954) они еще не имеют привычного теперь названия «Другие берега» и напечатаны под традиционным жанровым определением: «Воспоминания». Что русская редакция книги, как до того ее оригинал, долго

вании: «череп счастья, тонкий, длинный, / вроде черепа борзой». К «отрывкам из автобиографии» Ходасевича «Младенчество» (1933), где он пишет, что с ранней сцены, сохранившейся в его памяти, когда стоявший у входа в парк городской поцеловал его руку, «начинается моя жизнь, ибо с нее начинается мое сознание» (Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 194), обращено то место в первой гл. «Других берегов», где Набоков рассказывает о своем осознании возрастов родителей, когда они держали его за руки «на парковой тропе» и «в тумане [...] младенчества» он пережил свое «второе крещение» и «зарождение чувственной жизни». Причем, описывая отца, Набоков особо отмечает, что в тот день он надел военную форму.

¹⁶ Nabokov V. Selected Letters. P. 118–119. «Nabokov's Opening» — многозначное название («opening» имеет значения «вступление», «отправная точка», «премьера» или «открытие», в юриспруденции — «предварительное изложение дела защитником» и т.д.), которому отчасти могло бы соответствовать «Начало Набокова» (в шахматах «начало» — равнозначный дебюту термин) с богатой игрой слов в различных планах и смыслах.

¹⁷ Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters. P. 288. В оригинале: «Mothing», представляющее собой старый энтомологический термин, образованный от «moth» — ночная бабочка, мотылек, и «hunting» — охота. Вместе с тем, Набоков имел в виду игру слов: «mothing» — «nothing» (ничего, ничто). Первый из написанных им в Америке романов «Под знаком незаконнорожденных» (1947) завершается так: «A good night for mothing» (с подразумеваемым выражением «good for nothing» — никчемный), что можно передать лишь в той или иной мере остроумной русской игрой слов: «Никчемная ночь для ловли ночниц» и т. п.

¹⁸ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. New York: Penguin Books, 1969. P. 8.

не могла обрести заглавия, следует из письма Набокова от 27 апреля 1954 года к редактору «Нового журнала» М.М. Карповичу, взявшему главы его воспоминаний для своего журнала:

«Книгу я назвал “Другие Берега” (из пушкинского “Вновь я посетил”)¹⁹, решив игнорировать “Берега” г-жи Прегель²⁰ и забыть “С Другого Берега” Герцена²¹. “Мнемозина” мне очень нравится (я назвал книгу в английском издании “Спик, Немосине”²²), но все мне говорят, что во-первых, был журнал “Мнемозина”, а во-вторых, что это слишком туманно. Назвать же “Голос Мнемозины” или как-нибудь в таком роде, мне кажется искусственным»²³.

Таким образом, известные нам предварительные и окончательные названия мемуарной книги распадаются на три основных вида:

1) Относящиеся к личности автора: «It is Me», «Solus Rex» (с подразумеваемым «королевством» прошлого и одиночеством/исключительностью автора), «The Person in Question» (с подразумеваемой проблемой изображения «истинной жизни»), «Nabokov's Opening» (с намеком на новизну подхода к мемуарному жанру);

2) Характеризующие содержание или структуру книги: «The House Was Here», «Clues», «The Rainbow Edge», «The Prismatic Edge», «The Moulded Feather», «Emblemata», «Nothing», «Anthemion», «Conclusive Evidence», «Другие берега»;

3) Названия-обращения, определяющие мемуарный характер книги: «Speak, Mnemosyne!», «Speak, Memory».

¹⁹ Над словом «Другие» карандашом вписано «Иные», возможно, рукою Карповича, имевшего в виду, что у Пушкина в этих стихах «Иные берега, иные волны...»

²⁰ Четвертая книга стихов Софии Прегель (Париж: Новоселье, 1953).

²¹ Русское название этой книги, изданной сперва на немецком — «С того берега» (1855). Слова Герцена из обращения «к друзьям на Руси» в начале книги мог бы сто лет спустя повторить и Набоков в «Других берегах»: «Непреодолимое отвращение и сильный внутренний голос, что-то пророчащий, не позволяют мне переступить границу России» (*Герцен А.И. Соч.: В 2-х т. М.: Мысль, 1986. Т. 2. С. 6*).

²² Одобренное сперва английским издателем, название «Speak, Mnemosyne!» (с восклицанием), с его пунктирной линией к «полу-Мнемозине» Зине Мерц в «Даре», в конце концов также было отвергнуто из-за опасений, что читатели, боясь неверно произнести редкое слово и оказаться в глупом положении (имя богини памяти и матери муз произносится «нимозини»), не будут заказывать эту книгу.

²³ Письма Владимира и Веры Набоковых к Михаилу и Татьяне Карпович (1933–1959), Публ., прим. А. Бабилова (в печати). Несколько ранее, в феврале, Набоков написал Т. Карпович о готовящемся выходе книги: «Вы скоро получите, если еще не получили, мою книжечку. Не удивляйтесь короне на обложке, это затея моего издателя, и я себя утешаю тем, что это бумажное пальтишко скоро изнашивается и выбрасывается».

Следующие группы составляют названия:

- a) «Шахматные»: «Solus Rex», «Nabokov's Opening»;
- b) «Юридические»: «The Person in Question», «Clues», «Conclusive Evidence»;
- с) Ностальгически окрашенные и названия-обращения: «The House Was Here», «Speak, Mnemosyne!», «Speak, Memory», «Другие берега»;
- d) Отвлеченно-тематические: «The Rainbow Edge», «The Prismatic Edge», «The Moulded Feather», «Anthemion», «Emblemata», «Nothing»;
- e) «Энтомологические», симметричные двум «шахматным» названиям: «Speak, Mnemosyne!» (с подразумеваемым «черным» аполлоном — *Parnassius mnemosyne*, упомянутым в гл. 10 «Других берегов») и «Nothing».

Приведенные названия, кроме того, делятся на специальные (группы «a», «b», а также «Anthemion», «Nothing» и «Emblemata») и общие («с», «d», исключая последние три). Как можно видеть, совершенно отказавшись от названий из четвертой группы, Набоков сперва взял заглавие из «ностальгической» группы («The House Was Here»), поменял его на «юридическое» («Conclusive Evidence») ²⁴, выбрал «энтомологическое» («Speak, Mnemosyne!», единственное, относящееся к двум группам и отчасти специальное) и затем вновь вернулся к ностальгически-нейтральному («Speak, Memory»), которое в русской версии мемуаров утрачивает обращение и получает значительно более отвлеченные коннотации и, следовательно, восходит к первому постоянному «ностальгическому» названию (с семантическими переходами: «берега» — «house/дом»; «другие», с подразумеваемой ассоциацией «там»/«тот берег», — «here/здесь», с подразумеваемым: «на родине», «на этом берегу»).

Итак, вот это отставленное, но сохраненное Набоковым вступление.

[Отвергнутое вступление к «Убедительному доказательству»,
когда книга предварительно называлась «Здесь стоял дом»] ²⁵

Здесь дом стоял. Прямо здесь. Я не мог и представить, что место способно измениться до неузнаваемости с 1917 года. Ужасно — я ничего не узнаю. Нет нужды идти дальше. Прости меня, Хопкинсон,

²⁴ Это название привлекало его своими перетекающими «ive — evi» (с подписью-криптономимом: V.V. и инициалами двух имен: «Vladimir» и «Véra»). Кроме того, Набокову, возможно, нравилось сквозящее в «conclusive» слово «elusive» — неуловимый, ускользающий (из памяти), ненадежный, что ведет к *elusive evidence* (мнимое доказательство). Ср. восклицание в его стихах «On Translating “Eugene Onegin”» (1955): «Elusive Pushkin!».

²⁵ Поздняя английская пометка рукой Набокова. Скобки принадлежат Набокову.

[discarded introduction to
 "Conclusive Evidence" when
 the title was tentatively
 "The House Was Here"]

The house was here. ~~It~~ here. I never imagined
the place would have changed so completely since
nineteen seventeen. How dreadful -- I don't
recognize a thing. No use walking any farther. Sorry,
Hopkinson, to have made you come such a long way. I
had been looking forward to a perfect orgy of
nostalgia and recognition! That man over there seems
to be growing suspicious. Speak to him. ~~Twisti~~ Twisti.
Amerikantsi
~~Oh, wait a minute. Tell him I am a ghost.~~
You surely know the Russian for "ghost"? Mehta.
 Prizrak. Metafisicheskiy kapitalist. Run, Hopkinson!

что заставил тебя тащиться в такую даль. А я-то предвкушал настоящую оргию ностальгии и воспоминаний! Тот человек, поодаль, он, кажется, что-то заподозрил. Поговори с ним. Туристы. Американцы [Turisti. Amerikantsi]. Нет, погоди. Скажи ему, что я призрак. Ты ведь знаешь, как сказать по-русски «ghost»? Мечта. Призрак. Метафизический капиталист. Беги, Хопкинсон!

[Не датировано и не подписано.
Ок. декабря 1949 г.]

Слова «Turisti», «Amerikantsi» вписаны Набоковым в машинописный текст по разработанной им в 40-е годы системе транслитерации; слова «Mechta. Prizrak. Metafisicheskiy (через «s») capitalist» («метафизический капиталист» представляет собой иронический оксюморон к классовой концепции марксизма, отрицающей метафизику и признающей лишь материалистический взгляд на вещи; Набоков выстраивает следующий ассоциативно-смысловой ряд: мечта, призрак — метафизика; американец — капиталист; призрачный американец — метафизический капиталист) напечатаны без подчеркивания, обозначающего у Набокова указание набирать курсивом, в отличие от остального текста.

Переход от курсива — английского текста — к прямым строкам русского имеет символическое значение, как знак перехода с одного строя мыслей и слога на другой, природный. Этот штрих нашел применение в предисловии к «Другим берегам»: «Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо [...]». Примечательно и то, что отвергнув это вступление, Набоков все же не отказался в предисловии от короткой лирической виньетки с русским пейзажем и попутчиком (под инициалом N. — авторская подпись), поместив ее сразу же после слов о курсиве, хотя и придал ей несколько иное тематическое и эмоциональное содержание:

«...в упор глядящее лицо: “Позвольте представиться, — сказал попутчик мой без улыбки. — Моя фамилия N.”. Мы разговорились. Незаметно пролетела дорожная ночь. “Так-то сударь”, — закончил он со вздохом. За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдаленных домах...»

Еще одна связующая нить отвергнутого вступления с опубликованной автобиографией — мотив призрачного представителя автора, совершающего воображаемую ретроспективную прогулку к родовому имению. В главе 11 «Других берегов» Набоков задается вопросом о возможности своей поездки в СССР — в образе постаревшего Рип ван Винкля (поездки, которая будет затем визионерски описана в «Арлекинах») и под прозрачным псевдони-

мом: «Каково было бы в самом деле увидеть опять Выру и Рождественно, мне трудно представить себе, несмотря на большой опыт. Часто думаю: вот, съезжу туда с подложным паспортом, под фамилией Никербокер. Это можно было бы сделать». Однако картина такого воображаемого посещения родных мест содержится в самой книге, причем в пятой главе ее русской версии Набоков еще значительно усиливает этот мотив. Описывая в «Других берегах» прибытие швейцарской гувернантки, он вспоминает:

«Я не поехал встречать ее на Сиверскую, железнодорожную остановку в девяти верстах от нас; но теперь высылаю туда *призрачного представителя*, и *через него* вижу ясно, как она выходит из желтого вагона в сумеречную глушь небольшой оснеженной станции в глубине гиперборейской страны и что она чувствует при этом. [...] *Бесплотный представитель* автора предлагает ей невидимую руку. [...] Совершенно прелестно, совершенно безлюдно. Но что же я-то тут делаю, посреди стереоскопической феерии? Как попал я сюда? Точно в дурном сне, удалились сани, оставив стоящего на *страшном* русском снегу *моего двойника* в американском пальто на викуньевом меху. Саней нет как нет; бубенчики их — лишь раковинный звон крови у меня в ушах. *Домой* — за *спасительный* океан! Однако *двойник* медлит. Все тихо, все околдовано светлым диском над русской пустыней моего прошлого. Снег — настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, полвека жизни рассыпается морозной пылью у меня промеж пальцев» (курсив мой. — А.Б.).

Восклицание «Домой — за спасительный океан!» представляет собой парафраз последних слов отвергнутого вступления: «Беги, Хопкинсон!» Разумеется, Хопкинсон здесь и есть двойник автора, его представитель, американский alter ego Набокова с историческим именем (эссеист и композитор Фрэнсис Хопкинсон, 1737–1791, создавший изображение первого официального американского флага и подписавший Декларацию независимости Соединенных Штатов), что напоминает сочиненную Набоковым во время работы над автобиографией поэму «К кн. С.М. Качурину» (1947), в которой он описывает свой приезд в СССР под видом американского священника²⁶: «Мне *страшно*. <...> Мне хочется *домой*. Довольно. / Качурин, можно мне *домой*? / В пампасы молодости вольной, / в техасы, найденные мной» (курсив мой. — А.Б.). В позднем примечании к поэме Набоков сообщает краткие био-

²⁶ Ср. упоминание в «Других берегах» (гл. 12) и «Лолите» (Ч. II, гл. 32) английского поэта и католического священника Джерарда Мэнли Хопкинса (Hopkins, 1844–1889), в «Speak, Memoгу» отсутствующего. Древняя англосаксонская фамилия Hopkinson не имеет никакого отношения к англ. hope (надежда), как полагает М. Маликова (Примечания // Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 713), но происходит от Hobb — домашней формы имени Роберт, с присоединением уменьшительного суффикса «kin».

графические сведения о вымышленном князе Качурине (анаграмма княжеского рода Акчуриных): «Качурин, Стефан Мстиславович. Мой бедный друг, бывший полковник белой армии, умерший несколько лет тому назад в монастыре на Аляске. Только золотым сердцем, ограниченными умственными способностями и старческим оптимизмом можно оправдать то, что он присоветовал описываемое здесь путешествие. Его дочь вышла замуж за композитора Торнитсена»²⁷.

В поздней английской редакции автобиографии пассаж о призрачном посещении родных мест не содержит этой отчаянной ноты или ноты отчаяния. Как не имеет и «раковинного звона», напоминающего строки Владислава Ходасевича о берегах Коцита (и добавляющего еще один ассоциативный ряд к набоковскому выбору многозначного русского заглавия книги): «[...] Живи на берегу утрюмом. / Там, раковины приложив к ушам, внемли плененным шумам — / Проникни в отдаленный мир: глухой старик ворчит сердито, / Ладя скрипит, шуршит весло, да вопли — с берегов Коцита» («Душа», 1908. Курсив мой. — А.Б.). Вот это место из английской версии в нашем переводе:

«Как попал я сюда? Незаметно двое саней скрылись из глаз, оставив позади беспаспортного соглядаята, стоящего на голубовато-белой дороге в новоанглийских зимних ботинках и ветронепроницаемом пальто с меховым воротником. Затихающие вдаль бубенчики их — лишь пение моей старческой крови. Все тихо, все околдовано, зачаровано луной — иллюзорная картина в зеркале заднего вида. Хотя снег — настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, шестьдесят лет рассыпаются морозной пылью у меня промеж пальцев»²⁸.

Тщательное сопоставление всех трех основных редакций набоковских воспоминаний («Убедительное доказательство», 1951, —

²⁷ Набоков В. Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 320. «Кн. Качурин» отсылает читателя к «генералу Качурину» в третьей главе «Дара», автору романа «Красная княжна». Его образ, однако, здесь уже иной: теперь это друг автора, которому он пишет послание. Его отчество обращено к учителю детских лет и старшему другу Набокова Мстиславу Добужинскому, чей мемуарный очерк, напечатанный в «Новом Журнале» в 1942 г., Набоков назвал очаровательным (см.: Переписка Владимира Набокова с М.В. Добужинским / Публ. В. Старка // Звезда. 1996. № 11. С. 99). Упоминание композитора также указывает на Добужинского, предложившего Набокову в 1943 г. написать либретто по «Идиоту» Достоевского для композитора А. Лурье (там же. С. 100). Вместе с тем, смерть набоковского адресата в «монастыре на Аляске», бывшей русской территории, намекает на судьбу многих русских аристократов в СССР, например, кн. Д. Святополка-Мирского, воевавшего на стороне белых, сделавшего научную карьеру в эмиграции, а после возвращения в Россию осужденного и умершего в лагере под Магаданом.

²⁸ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. P. 78.

«Другие берега», 1954, — «Свидетельствуй, память», 1966) и сопутствующих им материалов позволило бы сделать важные заключения о принципах отбора и применения тех или иных тем, метафор, аллюзий и приемов для русского и английского читателей²⁹. Такому исследованию, однако, должно предшествовать изучение черновых и отвергнутых вариантов рукописей английского оригинала и русского перевода книги, из которых следует, что текст претерпевал значительные изменения на поздних стадиях работы. К примеру, в десятой главе воспоминаний Набоков описывает купание Поленьки:

«Мокрая, ахающая, задыхающаяся, с соплей под курносым носом, с крутыми детскими ребрами, резко намеченными под бледной, пупырчатой от холода кожей, с забрызганными черной грязью икрами, с круглым гребнем, горевшим в темных от влаги волосах, она спасалась от бритоголовой, тугопузой девчонки и бесстыдно возбужденного мальчишки с тесемкой вокруг чресл (кажется, против сглазу), которые приставали к ней, хлеща и шлепая по воде вырванными стеблями водяных лилий».

В английской версии книги следует продолжение, в «Других берегах» — нет. Однако в вашингтонском архиве писателя сохранилась правленая машинопись его собственноручного перевода, в котором это продолжение, изложенное несколько иначе, чем в английском оригинале, и впоследствии вовсе отвергнутое, имеется:

«[...] и на одно мгновение — раньше, чем я отступил в каком-то дурмане гадливости и вожделения — я успел увидеть, как эта чужая Поленька, дрожа и стуча зубами, присела на корточки у края полусгнившей пристани, и, локтями полуприкрыв грудь от ветра, показала своим преследователям кончик языка».

2

Другой важный архивный текст к мемуарам Набокова, которому не было уделено должного внимания, — написанная в апреле–мае 1950 года заключительная 16-ая глава книги (в английской версии воспоминаний всего пятнадцать глав, в русской — четырнадцать), машинопись которой (восемнадцать страниц беловика с х-образными вычерками и несколькими лакунами в указании

²⁹ Некоторые справедливые замечания и соположения по этой части сделаны Е.В. Васильевой в ее диссертации, однако ее переводы английских фрагментов из различных версий автобиографии часто вызывают недоумение. Так, Цинциннат становится у нее «повстанцем», заключенным «в наmaleванную крепость сборищем шутов и нелепиц <sic!> коммунистического толка» (указ. соч., с. 125), тогда как у Набокова сказано: «бунтарь, заключенный в живописную крепость с видовой открытки шутами и подонками коммуналистского государства [Communazist state]».

имен) хранится в том же вашингтонском собрании рукописей. До последних недель, если не дней завершения книги, подготовки ее к печати и поиска подходящего заглавия, варьировалась и видоизменялась ее структура. В письме к редактору «New Yorker'a» Катарине Уайт от 27 ноября 1949 года Набоков составил список глав, которые должны были войти в книгу. Глава 15-ая в этом списке названа «Второе лицо», глава 16-ая — «Третье лицо». «Последняя, — пишет Набоков, — на мой взгляд, самая важная из всех (собственно, при сочинении книги я все время имел в виду этот финал и вершину), поскольку в ней тщательно собраны и рассмотрены (вымышленным рецензентом) различные темы, проходящие через всю книгу — все запутанные нити, за которыми я с таким усердием следую в каждой главе. Между прочим, эта глава включает в себя кое-какие очень милые детали, имеющие отношение к моему упоительному сотрудничеству с “Нью Йоркером”. Я, впрочем, не думаю, что эта последняя глава подойдет для отдельной журнальной публикации. Все это должно оставаться строго между нами»³⁰.

Несмотря на слова о «вершине», которой должна была стать 16-ая глава, восемь месяцев спустя Набоков уже сомневался в том, что ей вообще есть место в книге, что следует из его письма к редактору издательства «Harper» Дж. Фишеру от 20 июля 1950 года:

«С этим письмом шлю последнюю (XVI) главу, относительно помещения которой в книгу мне трудно принять решение. Я посылаю ее Вам, главным образом, по той причине, что она содержит, кроме прочего, всё, что стоит сказать в рекламной аннотации. “Рецензент” и “г-жа Браун”, разумеется, вымышлены, и такого сочинения “Когда сирень цвела” не существует. Если эта глава все-таки появится в книге, стоящие в скобках слова “слон на с2” на с. 219 придется, разумеется, исключить»³¹. Я весьма доволен этой 16-ой главой, но по некоторым соображениям все еще колеблюсь завершать ею свои воспоминания. Как бы там ни было, Ваш рекламщик волен выудить из нее все, что сочтет нужным. Я бы хотел, чтобы аннотация была настолько прозаичной и строгой, насколько это возможно: в конечном счете, читатель узнает об авторе из самой книги»³².

Все же отвергнутая и неизвестная до 1999 года, когда она с сокращениями была напечатана в «Нью Йоркере»³³, последняя

³⁰ Nabokov V. Selected Letters. P. 95.

³¹ В архивном тексте 16-ой главы в решении шахматной задачи указано лишь, что ход делает слон, но на какое поле, не сказано. Эта деталь, а также пропуск в имени некоего чешского друга Кафки, позволяют заключить, что Набоков послал Фишеру более позднюю редакцию этого текста, которой в архиве Набокова не обнаружено.

³² Nabokov V. Selected Letters. P. 105.

³³ В том же году ее текст был напечатан в издании: Nabokov Vladimir. Speak, Memory. An Autobiography Revisited / Ed. by Brian Boyd. New York et

глава «Убедительного доказательства» долгое время являлась важным структурным элементом книги и ее исключение стало главным решением Набокова в отношении его автобиографического замысла.

Оценивая различные частности этого сочинения и его место в мемуарах Набокова, прежде всего следует обратить внимание на избранную для него форму рецензии и на фигуру его номинального автора — безымянного американского рецензента. Этот необыкновенно осведомленный рецензент с его собственными непрошенными воспоминаниями, неумеренными похвалами и пристрастными оценками, твердящий о несуществующей Барбаре Браун и ее прекрасной книге «Когда сирень цвела» (название взято из Уитмена³⁴), который к тому же оказывается редактором мемуаров Набокова в «Нью Йоркере» и едва сдерживается, чтобы не перейти к рассказу о себе и своих заслугах, предстает прообразом Чарльза Кинбота из «Бледного огня», уверенного в том, что именно он направлял перо Джона Шейда и блестяще подготовил к публикации его поэму. С другой стороны, в отношении дидактических и социальных ноток «рецензии», образ «рецензента» напоминает Джона Рэя, редактора манускрипта «Лолиты» и автора предисловия к ней³⁵.

al.: Alfred A. Knopf. Everyman's Library. P. 245–262. См. предисловие Бойда в этом издании (р. ix–xxv); в переводе С. Ильина: *Набоков В. Убедительное доказательство* // Иностранная литература. 1999. № 12. С. 136–145 (воспроизведен в: *Маликова М. Набоков: Авто-био-графия*. С. 217–232).

³⁴ «When Lilacs Last in the Dooryard Bloom'd» (1865, «Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень» — в переводе К.И. Чуковского). Очевидно, что Набокову для названия книги американки Барбары Браун нужна была хрестоматийная строка из американского поэта, к тому же связанная с американской историей (эти стихи Уитмена посвящены убитому в апреле президенту Линкольну). Кроме того, по наблюдению Б. Каца, «сирень» нередко возникает в русских стихах самого Набокова, служа авторской подписью и графически напоминая его русский псевдоним, особенно в дореформенном написании: «Сиринъ» («Eхegi monumentum» Владимира Набокова: к прочтению стихотворения «Какое сделал я дурное дело...» // Литературное обозрение. 1999. № 2. С. 76). Той же цели, по-видимому, служат навязчивый образ сирени и преобладающая лилово-розовая гамма в «Арлекинах», где упоминается (несуществующая) картина Серова «Сирень с пятью лепестками», где Вадим Вадимович приезжает в Ленинград в пору цветения сирени, а на обратном пути знакомится с пожилой американкой с розово-лиловыми морщинами «мисс Сиренефф (ее почти невероятное имя)» (в оригинале «miss Havemayer», что указывает на сорт сирени «Katherine Havemeyer»).

³⁵ Стоит отметить, что и сам Набоков ко времени завершения автобиографии уже мог бы именоваться «американским рецензентом», написавшим с 1940 г. несколько отзывов и в том числе на английский перевод мемуарной книги Сергея Лифаря «Дягилев и с Дягилевым» (1939).

Что же касается избранной Набоковым формы, то прием введения мистифицирующей читателя «рецензии» в само сочинение и передача полномочий рассказчика анонимному редактору или критику имел в первую очередь мощное оградительное значение в подразумеваемой оппозиции: мемуарист / публика, защищая неприкосновенность личной жизни автора. Он, кроме того, создавал эффект двойной экспозиции и переводил всю книгу из разряда non-fiction в разряд просто fiction. За десять лет до «Убедительного доказательства» Набоков поместил фиктивные рецензии на «Жизнь Чернышевского» в «Дар», а двадцать лет спустя использовал вариацию этого приема, вставив в окончание «Ады» (1969) рекламную аннотацию об этой «Хронике одного семейства», в которой также дается беглый перечень основных тем книги, а «воспоминания» Вана Вина³⁶ сравниваются с «Детством» Толстого:

«Ардис Холл» — арки и парки Ардиса — вот лейтмотив, пронизывающий «Аду», обширную и восхитительную хронику, действие которой проходит главным образом в сказочно-яркой Америке — и разве воспоминания нашего детства не напоминают нагруженные в Вайнленде каравеллы, отрешенно сопровождаемые белыми птицами грез? Главный герой — отпрыск одного из самых известных и богатых семейств, д-р Ван Вин, сын барона «Демона» Вина — фигуры, памятной на Манхэттене и в Рино. Закат необычайной эпохи совпал с не менее удивительным детством Вана. Во всей мировой литературе, исключая, быть может, воспоминания графа Толстого, не сыскать ничего подобного чистейшей радости и аркадской невинности «ардисовской» части этой книги. В баснословном поместье его дядюшки, собирателя живописи Данилы Вина, чередой великолепных эпизодов развивается пылкий отроческий роман Вана и красавицы Ады, этой воистину удивительной gamine³⁷, дочери Марины, страстно увлеченной театром жены Данилы. С первых же страниц становится понятно, что их отношения — не просто опасный cousinage³⁸, но нечто такое, что запрещено законом.

³⁶ Имя «Van Veen», обычно передаваемое как «Ван Вин», отсылает не столько к герою новеллы В. Ирвинга Рип ван Винкль (Rip van Winkle), сколько к фламандскому художнику, учителю Рубенса, Otto van Veen (1556–1629), Отто ван Веен, Отто ван Вен, известному также как Октавиус Вениус, Отто Вениус (ср. «Отто Отто» в «Лолите» и «вилла “Вениус”» в «Аде», а также множество экфрасисов картин в романе). Одной из известнейших его работ является автопортрет с семейством (1584). Также известна его книга любовных эмблемат «Amorum Emblemata» (1608). См. подробный разбор этого имени в комментариях Бойда к «Аде»: <http://www.ada.auckland.ac.nz>

³⁷ Девочка.

³⁸ Прямое указание на «Войну и мир»:

«— А была детская любовь? — вдруг неожиданно покраснев, спросил князь Андрей.

— Да. Vous savez, entre cousin et cousine cette intimité mène quelquefois à l'amour: le cousinage est un dangereux voisinage» («Вы знаете, между двою-

Несмотря на множество сюжетных и психологических препятствий, повествование продвигается крупной рысью. Не успеваем мы отдышаться и спокойно освоиться в новой обстановке, в которую нас занесло волшебным ковром автора, как уже другая хорошенькая девушка, младшая дочь Марины Люсетта Вин, смертельно влюбляется в Вана, неотразимого повесу. Ее трагической судьбе отведено одно из главных мест в этой восхитительной книге.

Всё прочее в истории Вана откровенно и красочно вращается вокруг его долгой любовной связи с Адой. Она прерывается ее замужеством с аризонским скотопромышленником, чей легендарный пращур открыл нашу страну. После его смерти наши любовники воссоединяются. Они коротают остаток дней путешествуя вместе по свету и проводя время на виллах, одна прекраснее другой, воздвигнутых Ваном по всему Западнему полушарию.

Украшением хроники не в последнюю очередь служат утонченные живописные детали: решетчатая галерея; расписной потолок; прелестная безделица, прибитая ручьем к поросшему незабудками берегу; бабочки и орхидеи-бабочки на полях романа; туманный пейзаж, открывающийся с мраморных ступеней; застывшая посреди старинного парка лань, и еще многое, многое другое»³⁹.

Так завершается «Ада». Однако то, что оказалось удачным приемом введения рамочной структуры в финал *вымышленной* хроники жизни, переданной в руки вымышленных редакторов (названных в самом начале книги), необыкновенно осложнило бы и без того проблематичный онтологический статус набоковских мемуаров, поскольку фиктивный рецензент *реальных* воспоминаний не только на удивление хорошо знает Набокова и его близких, но еще сообщает недостоверные сведения о некоей г-же Браун, тем самым ставя под сомнения и все прочие излагаемые им факты. Если бы Набоков окончил этой главой свою книгу, она стала бы убедительным доказательством невозможности представить публике истинный образ реального Набокова — сына, мужа, отца, эмигранта, писателя, переводчика, профессора, энтомолога (ср. в ней ироничные высказывания по поводу воспоминаний о Пушкине, напоминающие французское эссе Набокова «Пушкин, или правда и правдоподобие», 1937) — в том же смысле, в каком Sebastian Night is *absent* в романе-биографии В.⁴⁰, и в каком сказано: «В зале автора нет, господ» («Парижская поэма», 1943); «Vladimir Nabokov» предстал бы в ней собственным персонажем,

родным братом и сестрой эта близость очень часто приводит к любви. Двоюродные — опасное дело». Т. 2, ч. 3. XXI).

³⁹ Перевод мой. — А.Б.

⁴⁰ Как заметил Г.А. Барабтарло, имя «Sebastian Knight» представляет собой анаграмму «Knight is absent» — «Найта нет», а сама его фамилия в русском написании является анаграммой слова «тайна» (Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. С. 164–176).

который быть может и верит «в связь бытия» со своим создателем, но пребывает в бесконечном удалении от настоящей недостижимой персоны. Другими словами, если бы Набоков все же вставил эту главу в свою книгу, он в приложимом к ней определении «автобиографический роман» перенес бы центр тяжести с первого слова на второе, вознес романские коллизии выше личных биографических, переведя все повествование в совершенно иной, ирреальный план, да еще с эффектом *mise en abyme* (обсуждаемым в «рецензии») и представил бы фигуру самого мемуариста, непрестанно утверждающего историческую точность своего изложения, недостоверным рассказчиком, таким как Вадим Вадимович Н. в «Арлекинах».

Традиционные воспоминания Барбары Браун, которой «рецензент» явно отдает предпочтение перед Набоковым, нужны автору «Убедительного доказательства» как оппозиция не только по отношению к его единственному в своем роде сочинению, «невиданному диву среди автобиографий», и его уникальному для биографий методу контрапунктной композиции (освоенному в «Даре» в жизнеописании Чернышевского), но и в отношении самой его необычной судьбы русского писателя-эмигранта, становящегося английским классиком (притом без каких бы то ни было аналогий, что утверждается упоминанием в «рецензии» случая Джозефа Конрада, от которого Набоков, по его собственному выражению, отличается «конрадикально»). Той же цели отмежевания в этом демонстративно полемическом завершении книги служат достижения Набокова в энтомологии, которым уделено значительное место в «рецензии», и приведенные в ней программные разносы нобелевских лауреатов и кумиров американских читателей того времени — С. Льюиса, Т.С. Элиота, У.Х. Одена, Дж. Голсуорси, Т. Манна, Г. Джеймса и З. Фрейда, по отношению к которым Набоков выстраивает на долгие годы систему культурно-идеологических дистанций.

Отвергнув 16-ую главу и весь замысел двойной экспозиции книги, Набоков не отказался от некоторых его возможностей и впоследствии использовал прием оппозиции собственного своего лучшего романа (на этот раз «Лолиты») по отношению к американской модной новинке. О «самом обсуждаемом романе года» «Когда сирень цвела», скроенному по Фрейду сентиментальному опусу (не автобиографии), рассказывает Гумберту Шарлотта Гейз (член дамского книжного клуба) в сценарии «Лолиты» (1973):

Шарлотта. Вы это читали? «Когда сирень цвела».

Гумберт издает отрицательный звук, прочищая горло.

Шарлотта. О, вы должны прочитать! Об этом романе была восторженная рецензия Адама Скотта⁴¹. Это история мужчины с Севера и

⁴¹ NB «восторженная рецензия». Под этим именем скрыт критик Орвилль Прескотт, назвавший «Лолиту» в своей рецензии «скучной, скучной, скуч-

девушки с Юга, у которых все складывается чудесно: он — копия ее отца, она — копия его матери, но потом она осознает, что, будучи ребенком, терпеть не могла своего отца, и конечно, с этого момента он начинает отождествлять ее со своей собственной матерью. Видите ли, здесь заложена такая идея: он символизирует индустриальный Север, она — старомодный Юг, и —

Лолита (*вскользь*). Все это собачья чушь⁴².

Несмотря на то, что в 16-ой главе «Убедительного доказательства» книга Барбары Браун — мемуары, а в сценарии «Лолиты» — сентиментальный роман, между ними есть скрытые пересечения: «рецензент» отмечает нападки Набокова на «онейроманию и мифоблудие психоанализа», которые «покоробят определенного рода читателя», в то время как книга Барбары Браун, с ее «журчащим, как ручеек» слогом и набором банальностей (сбор кленового сока, именинный пирог, подробности школьной жизни), очевидно, отвечает тенденциям времени, поскольку модный рассказ о детстве не может не обойтись без толики фрейдизма. Об условности этой фигуры говорит само ее (немецкое) имя: Braun = Brown, в английском языке «Mr. Brown» — это так называемое placeholder name, используемое в том случае, если чье-то имя забыто, или неизвестно, или несущественно. Но вместе с тем, это, вероятно, и маска Набокова. Упоминание в предисловии к «Speak, Memory» некой «Hazel Brown», родившейся с ним в один год и «разделяющей с ним паспорт», наводит на мысль, что и в 16-ой главе «Убедительного доказательства» Набоков использовал Барбару Браун с целью обозначить свое авторское присутствие (ср. попутчика N. в предисловии к «Другим берегам», где «N» может быть раскрыта как начальная буква в «Nabokov»). В имени «Hazel Brown», как заметил Бойд⁴³, зашифровано описание личных примет Набокова из его американского паспорта и сертификата о натурализации (вот славная линия к юридическому термину первого названия книги и не раз повторенному Набоковым утверждению, что настоящий паспорт писателя — его книги⁴⁴): цвет глаз — hazel — карий; цвет волос — brown — темно-русый. К тому же ономотопея «Барбара» имеет русский эквивалент — Варвара, а три «б» в ее имени, ка-

ной на претенциозный, напыщенный и нелепо-игривый лад» («Нью-Йорк Таймс», 18 августа 1958 г.).

⁴² Набоков В. Лолита. Сценарий / Перевод с англ. А. Бабикова. Изд. 2-е., доп. СПб.: Азбука, 2017 (в печати).

⁴³ Бойд Брайан. «Бледный огонь» Владимира Набокова. Волшебство художественного открытия / Пер. с англ. С. Швабрина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С. 310.

⁴⁴ Эта мысль лучше всего развита в пятой части «Арлекинов» в пассаже о фальшивом паспорте В.В., которому кажется, что его жизнь только «неудачная версия жизни другого человека [...] другого писателя».

жется, только умножают «б» в ударном слоге фамилии Набокова. Этому предположению отвечает и та литературно-ономастическая игра, которую ведет Куильти с Гумбертом в создававшейся в это время «Лолите» и очередная маска (если не истинное имя) Гумберта: «Красавец Анатолий Брянский, он же Антони Бриан, он же Тони Браун, глаза — карие, цвет лица — бледный, разыскивался полицией по обвинению в похищении дитяти» (Ч. II, гл. 19), а в самой 16-ой главе мемуаров — рассказ «рецензента» о «Василии Шишкове», набоковской литературной личине, выведенной им под ипостасью Сирина.

Отказ Набокова от включения в книгу рекурсивного игрового текста 16-ой главы⁴⁵ с ее резкими выпадами в адрес нобелевских лауреатов по литературе⁴⁶, влиятельных американских писателей и критиков и с утверждением самого себя художником первого ряда, стоящим вместе с Толстым, Прустом и Джойсом, убедительно доказывает многое в отношении его замысла. Прежде всего, это доказывает, что его автобиография, представляющая собой сложное телеологическое исследование возможности постижения

⁴⁵ Примечательно, что этот прием у Набокова, вполне возможно, восходит не к западным образцам (из которых особенно близкими к его воспоминаниям оказываются «Поиски» Пруста), а к Достоевскому, у которого Т. Цивьян находил первое использование рекурсивного повествования в русской литературе: «Можно предположить, что формальная структура произведений Достоевского принципиально новая, им впервые (во всяком случае в русской литературе) введенная: рекурсивная. Самостоятельные темы объявляются заранее, далее они повторяются, чередуясь друг с другом; швы могут быть так замаскированы, что соединение тем происходит незаметно. Бесполезно, да и невозможно, “поймав” тему, пытаться обособить ее: она не существует вне взаимодействия или борьбы с остальными, напротив, перед читателем стоит задача синтезировать отдельные линии в композиционное единство. Такое построение имплицитно предполагает повторное чтение: [...] восприятие [...] не в силах с одного раза овладеть рекурсивными структурами или их прагматическим осмыслением. С этой точки зрения, роль читателя делается более активной [...] В воле человека конструировать жизнь, в том числе и собственную, как дискурсивный или как рекурсивный текст» (Цивьян Т.В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга / Сост. Т. Николаева. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 705).

⁴⁶ Стоит отметить, что и по отношению к русскому нобелевскому призеру, Ивану Бунину, Набоков в своей книге холоден. В апреле 1951 г. он отказался рецензировать английский перевод его недавно вышедших «Воспоминаний» (Париж: Возрождение — La Renaissance, 1950), не желая писать уничижительный отзыв, а еще раньше отказался выступить на его юбилее. Отношения двух писателей подробно рассматривает Максим Шраер в своей книге: Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

личной судьбы средствами искусства, не была обусловлена узко-прагматичными целями желающего заявить о себе в американском литературном мире неизвестного автора, как полагает А. Долинин⁴⁷. Ведь ничего лучше, чем эта полностью готовая к публикации острая «рецензия», сообщающая в третьем лице о блестящем прошлом Набокова, его европейских годах, насыщенной литературной жизни в уникальном эмигрантском окружении, среди издателей, поэтов, интеллектуалов, с «друзьями Кафки», с Габриэлем Марселем, просящим его выступить с французской лекцией о Пушкине, на которую пришел сам Джойс, ничего лучше такого стороннего биографического очерка не могло бы послужить этим целям, будь они у него на первом или хотя бы на втором плане. И, разумеется, в таком случае не было никакой нужды Набокову ни сразу менять название своих мемуаров, ни спешно переводить их на русский язык для небольшого круга старой эмигрантской аудитории, а в 60-х годах уже прославленному автору «Лолиты», прочно занявшему свое место среди писателей мирового уровня, вновь и вновь возвращаться к ним, уточняя, пополняя и перепиcывая.

Такой взгляд на замысел этой книги опровергается и менее очевидными доводами. Автобиография была начата еще в середине 30-х годов, когда Набоков сочинил по-английски «It is Me»⁴⁸,

⁴⁷ «Пришелец ниоткуда, без узнаваемого имени и культурно-значимой биографии, он должен был начинать с нуля и строить свой образ заново, как если бы писателя Сирина (в Америке мало кому тогда известного) никогда не существовало. Для того, чтобы заполнить биографический вакуум и представить себя англо-американской аудитории, в конце 1940-х годов Набоков написал автобиографию, само название которой — “Conclusive Evidence” [...] — выдавало его интенцию: он стремился предложить американской культуре такое свидетельство о своем прошлом, которое было бы принято ею за истину и положено в основу того, что можно назвать набоковским мифом» (Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004. С. 163). Критику спекулятивного подхода А. Долинина см.: *Boyd Brian. Nabokov's Transition from Russian to English: Repudiation or Evolution? // Stalking Nabokov. Selected Essays. New York: Columbia University Press, 2011. P. 176–202.*

⁴⁸ В письме к матери от 29 декабря 1935 г. Набоков сообщил, что кончил перевод «Отчаяния» на англ. язык и что «Теперь можно будет скоро приняться за переписку моих английских реминисценций, а главное за роман [«Дар»]: я уже кажется третий год подряжаю для него кирпичи» (The New York Public Library / Berg collection. Nabokov's papers / Letters to Elena Ivanovna Nabokov). В январе 1936 г. была закончена на французском «Мадмуазель О», а начиная с февраля автобиография на англ. языке, под названием «It is Me» или «Me» («временное заглавие», как пишет Набоков жене), состоявшая из нескольких главок, не раз упоминается Набоковым в письмах к жене. В письме от 19 февраля 1936 г., в котором Набоков сообщает ей, что к начальному заглавию сочиняемого им романа он прибавил одну букву, на-

и затем продолжалась с перерывами из того же, на наш взгляд, стремления создать невиданный роман о «методах судьбы», которое овладевает героем «Дара», нашедшим то, что «служило нитью, тайной душой, шахматной идеей для едва еще задуманного “романа”» (кавычки здесь важнее многих жанровых определений). «Какая находчивость! — восклицает Годунов-Чердынцев, говоря об уловках судьбы, незаметно сводившей его с Зиной. — Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане [...] Разве это не линия для замечательного романа? Какая тема! Но обстроить, завесить, окружить чащей жизни — моей жизни, с моими писательскими страстями, заботами». И Зина ему отвечает: «Да, но это получится автобиография с массовыми казнями добрых знакомых». На что следуют знаменитые слова Годунова-Чердынцева о том, что «от автобиографии останется только пыль, — но такая пыль, конечно, из которой делается самое оранжевое небо. И не сейчас я это напишу, а буду еще долго готовиться, годами, может быть...»⁴⁹

Из той же волшебной биографической «пыли» Набоков, помимо самого «Дара» и «Севастьяна Найта», создаст «Speak, Memoгу» / «Другие берега» и затем «Взгляни на арлекинов!», написав в первом случае единственную в своем роде художественную автобиографию, где канва жизни становится сюжетной канвой, а во втором — совершив не менее поразительное обратное превращение собственной биографии в вымысел.

«Все [...] главные составляющие изобразительного, испытательно-психологического и созерцательного планов искусства Набокова, — пишет Геннадий Барабтарло, — доведены в “Других берегах” до предельной своей напряженности и вместе изощренности в том, что касается координации тем и мастерского соположения частей»⁵⁰ — и, на наш взгляд, исключение из книги 16-ой главы диктовалось именно этими соображениями верного соотношения различных планов повествования, композиционной безупречности и шахматной точности в координации тем.

звав его «Дар», он обмолвился, что ему «здорово хочется пробраться вновь сквозь “It is Me”». В феврале 1937 г. Набоков читал свои воспоминания в различных литературно-издательских кругах, предлагал их четырем лондонским издателям (среди которых был и «Victor Gollancz», пятнадцать лет спустя выпустивший первое британское издание «Speak, Memoгу»), и не сомневался, что они скоро будут опубликованы (см.: *Boyd B.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С. 499; *Nabokov Vladimir. Letters to Véra / Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd.* New York: Knopf, 2015).

⁴⁹ *Набоков Владимир.* Дар. Второе, испр. изд. Анн Арбор: Ардис, 1975. С. 407–409.

⁵⁰ *Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. С. 274.

Жертва тяжелой фигуры привела в конечном счете к выигрышу партии. Вершиной и блестящим завершением книги воспоминаний Набокова стал не игровой формальный прием, не кодированная кода и не «пэпер-чэс» автора с искусственным читателем, которому понятнее «сложное», а его неслыханное по своей силе и простоте обращение к неназванной по имени «ты», которой он говорит о том, что настанет время, когда «никто не будет знать, что знаем ты да я» и о своем следовании «чистому ритму Мнемозины», которого он «смирненно слушался с самого начала этих замет».

Приношу выражение искренней признательности Джеймсу Пуллену (The Wylie Agency (UK) Ltd.) за любезное разрешение опубликовать архивные материалы Набокова.

© On «Conclusive Evidence», Ch. 16. — *Dmitri Nabokov, 1998*

© Вст. ст., перевод, прим. — *Андрей Бабилов, 2017*

Владимир Набоков

По поводу «Убедительного доказательства»⁵¹

Передо мною две книги воспоминаний. Одна принадлежит перу русского писателя, ставшему гражданином нашей страны, другая — внучке великого американского педагога-теоретика, и обе эти книги на редкость искусно написаны. Не часто случается, чтобы два столь выдающихся сочинения оказались на столе рецензента практически в один день.

Небольшая группа почитателей г-на Набокова не без основания обрадуется изданию его нового произведения. Несмотря на то, что подзаголовок «воспоминания» кажется вполне законным, «Убедительное доказательство» обладает такими особенностями — не обязательно достоинствами — которые совершенно выводят ее из круга известных нам автобиографий — правдивых, более или менее правдивых, либо попросту вымышленных. И хотя ее самобытность не так притягательна, как то глубокое человеческое тепло,

⁵¹ На незаглавленном машинописном тексте рукою Набокова сделана пометка: «On “Conclusive Evidence”». Настоящий перевод впервые выполнен по архивному тексту — изначальному и единственному источнику всех последующих публикаций 16-ой главы книги (Manuscript Division, The US Library of Congress. Washington, DC / Vladimir Nabokov papers. Writings, 1918–1964. Box 9).

On "Conclusive Evidence"

The two books of memoirs before me, one by a Russian-born author, now a citizen of this country, the other by the granddaughter of a great American educationalist, are extremely elaborate affairs. It is seldom that two such accomplishments reach a reviewer's desk practically on the same day.

The small bunch of Mr. Nabokov's admirers will be not unreasonably elated by the publication of his new work. Although to subtitle it "memoirs" seems an obvious step, there are certain features -- not necessarily virtues -- about "Conclusive Evidence" that set it completely apart from extant autobiographies, true, more or less true, or deliberately fictitious. If its originality is not quite as attractive as the deep human glow ~~which~~ that suffuses every page of Miss "When Lilacs Last", it contains, on the other hand, special sources of pleasure that no intelligent reader should miss.

A unique freak as autobiographies go, Mr. Nabokov's book is easier to define in terms of what it is not than in terms of what it is. It is not, for instance, one of those garrulous, formless and rambling affairs, heavily relying on a diarist's notes, that experts in other arts or the administrators of our public existence are apt to produce ("Wednesday night, around 11.40, General so-and-so telephoned. I said to him --"). Nor is it a professional writer's kitchen, with bits of unused material floating in a tepid brew of literary and personal stuff. Emphatically, it is not the popular slick kind of reminiscences where the author keys himself up to the lofty level of grade C fiction, and with quiet impudence sets down reams and reams of dialogue (Maw and the neighbor. Maw and the children. Bill and Paw, Bill and Picasso) which no human brain could have preserved in anything approaching that particular form.

что излучает каждая страница книги г-жи [Браун]⁵² «Когда сирень цвела», она таит в себе для всякого хорошего читателя особый источник наслаждения.

Невиданное диво среди автобиографий, книга г-на Набокова легче поддается описанию в терминах того, чем она *не* является. К примеру, она не является одним из тех многословных, бесформенных и бессвязных опусов, тяжело опирающихся на дневниковые записки, которые имеют обыкновение преподносить читателям эксперты по другим искусствам или вершители нашей общественной жизни («В среду поздно вечером, около 11.40, телефоновал генерал Н. Я сказал ему — —»). Не является она и стряпней профессионального писателя, с кусочками всякой неиспользованной всячины, плавающими в остывшем вареве полулитературного, полуличного состава. И уж точно передо мной не разновидность ходкого глянцевого рода воспоминаний, в которых автор, поднявшись к высотам третьеразрядной беллетристики, с вкрадчивым бесстыдством изливает на читателя потоки диалогов («Мо и сосед. Мо и дети. Билль и По. Билль и Пикассо»), которые ни один человеческий мозг не способен сохранить в той форме, в какой они невозмутимо воспроизводятся.

На наш критический взгляд, непреходящее значение «Убедительного доказательства» состоит в том, что в нем беспристрастными средствами искусства излагается весьма необычная история жизни. Метод Набокова заключается в исследовании отдаленнейших областей собственного прошлого — в розысках того, что можно назвать тематическими тропами или руслами. Однажды будучи найденной, та или иная тема прослеживается на протяжении многих лет. По ходу своего развития она направляет автора к новым берегам жизни. Ромбовидный узор искусства и мускулы прихотливо устроенной памяти сочетаются в едином мощном и гибком движении, порождая такой слог, который словно бы скользит среди трав и цветов к теплой плоскости камня, где он роскошно и исчерпывающе сворачивается кольцом.

Разумеется, метод Набокова оправдан лишь при том условии, что материал являет собой точную сводку личного опыта — во всяком случае, насколько это в силах человеческой памяти. Инструменты для отбора предоставляет искусство, но сами избранные части извлекаются из чистейшего раствора жизни. Память Набокова, особенно в отношении первых двадцати лет его жизни, почти противоестественно крепка, и, вероятно, ему было легче следовать намеченной цели, чем большинству мемуаристов: держаться истины во что бы то ни стало и не пытаться заполнить пустоты

⁵² Здесь и далее в таких же случаях квадратные скобки указывают, что в оригинале это имя, возникающее лишь с середины текста, отсутствует.

логическим правдоподобием, выдаваемым за любовно сохраненные сувениры. В одном или двух случаях изыскания могли бы доказать, что какие-то вещи изначально запомнились неверно или же память на какой-нибудь развилке могла заплутать и последовать за легким реалистичным объяснением, тут же посланным ей на помощь; так, туманное описание способа, каким одно письмо достигло автора в версии гл. XII, напечатанной в «Нью Йоркере», заменено внезапной вспышкой фактического воспоминания в настоящем издании благодаря введению в эту главу некоторых новых, как будто прямо не относящихся к делу материалов, естественным и искусным образом позволивших памяти подобрать в неожиданном месте то, что она обронила. А в другой главе (VII-й) Набоков на всем протяжении повествования проводит, как нить его текстуры, линию действительно испытанной им трудности, когда он не мог вспомнить кличку собаки — имя, которое вдруг высвобождается из тайной ячейки сознания в момент самого сочинения!

Читатель получит большое удовольствие, самостоятельно отыскивая извивы, переброшенные через ручей мостки, смеющиеся маски той или иной темы, проходящей через всю книгу. В ней несколько главных линий и множество побочных, сочетание которых напоминает шахматные композиции, разного рода головоломки, и все это стремится к своему шахматному апофеозу — собственно, эта тема возникает почти в каждой главе: составные картинки; геральдическая шашечница; определенные «ритмические узоры»; «контрапунктная» природа судьбы; жизнь, «смешивающая все линии в игре»; шахматная партия на борту парохода, уходящего от русского берега; романы Сирина; его увлечение шахматными задачами; «эмблемата»⁵³ иверня разбитой чаши⁵⁴; и финальная картинка-загадка, завершающая спираль этой темы.

Весьма увлекательна также тема радуги, берущая начало из случайного набора красок — витражей, праздничных огней, жи-

⁵³ «Эмблемата» — сокращенное название первой книги эмблем и символов, изданной в Аугсбурге в 1531 г. Подобный сборник «Символы и эмблемата», составленный Яном Тесингом и Ильей Копиевским по указу Петра I, был издан в 1705 г. в Амстердаме. «Эмблемата» — одно из названий книги воспоминаний, предложенное Набоковым английскому издателю в 1951 г.

⁵⁴ В 14 гл. «Других берегов»: «Не сомневаюсь, что между этими слегка вогнутыми ивернями майолики был и такой кусочек, на котором узорный бордюр как раз продолжал, как в вырезной картинке, узор кусочка, который я нашел в 1903 году на том же берегу, и эти два осколка продолжали узор третьего, который на том же самом ментонском пляже моя мать нашла в 1885 году [...] так что если б можно было собрать всю эту серию глиняных осколков, сложилась бы из них целиком чаша, разбитая итальянским ребенком Бог весть где и когда».

вописи, драгоценных камней и проч., — а затем обретающая самостоятельность как некая призматическая сущность горного ландшафта, или вот она возникает за каплющими деревьями, под которыми наш юный поэт переживает свою первую судорогу отроческой версификации. Читатель с наслаждением будет сопутствовать теме прогулок и тропинок в частных парках и фамильных лесах, которая начинается дубовой аллеей, ведет к занятым мечтам об Америке среди русских рощ и торфяных болот и затем обнаруживается в городских садах и парках, сбегающих к морю и к иным горизонтам. Пожалуй, самой трогательной темой книги следует назвать тему изгнания, к которой я еще обращаюсь. В некотором смысле Набоков испытал всю горечь и сладость ностальгии задолго до того, как революция переменяла декорации его юности. Он убеждает нас, что в самом его детстве в сильно уменьшенном виде содержались все основные составляющие его писательской зрелости; так сквозь тонкую оболочку созревшей куколки можно видеть проступающие на крошечных надкрыльях краски и узоры — миниатюрное видение бабочки, которая скоро явится миру, многократно увеличив свои рассветно-яркие клетчатые крылья.

Разгадывание тайн — чистейший и необходимейший акт рассудка. Все упомянутые тематические линии постепенно соединяются вместе, сплетаются или сходятся в одной точке, в изысканной, но естественной форме соприкосновения, которая оказывается не только функцией искусства, но и осознаваемым процессом развития личной судьбы. В силу этого обстоятельства, к концу книги тема мимикрии, «таинственной маскировки», изучавшаяся Набоковым в его энтомологических работах, сходитя в условленный час с темой «загадок» — с ее хитро спрятанным решением шахматной задачи, с составлением по форме осколка всей разбитой чаши и с картинкой-«пузелем», на которой угадываются очертания новой страны. К той же точке схождения спешат все прочие тематические линии — как если бы они сознательно жаждали блаженного анастомоза⁵⁵, обеспеченного совместными усилиями искусства и судьбы. Разрешение «загадочной» темы есть также разрешение темы изгнания, проходящей через всю книгу «внутренней утраты», и эти линии в свой черед смешиваются с кульминацией «радужной» темы («спираль жизни в агате»⁵⁶) и

⁵⁵ Естественное соединение двух артерий или органов.

⁵⁶ Этот образ, приведенный как цитата из книги — мистификация: в книге иная, ставшая знаменитой фраза: «Цветная спираль в стеклянном шарике — вот модель моей жизни» (гл. 13 «Других берегов»; гл. 14 «Speak, Memory»: «A colored spiral in a small ball of glass, this is how I see my own life»). Можно было бы подумать, что так в журнальной версии, с которой знаком «рецензент», однако в первой публикации этой главы в «Partisan Review» это

соединяются в высшей степени замечательным *rond[-]point*⁵⁷ со множеством садовых дорожек и парковых аллей, и лесных троп, выходящих через всю книгу. Ничего, кроме восхищения не вызывает это достижение ретроспективной проницательности и созидательной концентрации, потребовавшие от автора невероятных усилий, чтобы задумать свою книгу в точном соответствии с замыслом, по которому неведомые игроки расписали его жизнь, и ни разу не уклониться от этого замысла.

Владимир Набоков родился в 1899 году в Санкт-Петербурге. Его отец, Владимир Дмитриевич, был широко образованным европейцем, ученым, государственным деятелем, убежденным и жизненнолюбивым бунтарем, братья и шурины которого были в лучшем случае доброжелательными консерваторами, а в худшем — черносотенцами. Он же примкнул к группе либералов, которая в Думе и в газетах, читавшихся по всей России, противостояла своеволию и бесчинствам царского режима. Нынешние американские читатели, чьи познания о царской России проникнуты коммунистической пропагандой и просоветскими оценками, получившими распространение в Америке в 20-х годах, будут крайне удивлены, узнав из «Убедительного доказательства» насколько в действительности свободно можно было отстаивать свои взгляды и сколь многое удалось сделать цивилизованным людям в предреволюционные годы.

Жизнь богатых землевладельцев, к высшему слою которых принадлежали Набоковы, отчасти сопоставима с изобильной жизнью американских южан и — в гораздо большей мере — с усадебным укладом в Англии и Франции. По-видимому, на автора оказали большое влияние мальчиком проведенные в деревне лет-

место изложено как в книге (1951, № 1, р. 45) и никакой «спирали жизни в агате» там нет. «Рецензент» этой псевдоцитатой указывает внимательному читателю на связь слов о цветной спирали с концовкой гл. 7 воспоминаний: «Эти листья смешиваются у меня в памяти с кожей ее башмаков и перчаток, и была, помнится, какая-то подробность в ней — ленточка, что ли, на ее шотландской шапочке, или узор на чулках, — похожая на радужные спирали внутри тех маленьких стеклянных шаров, коими иностранные дети играют в агатики» («glass marble» в «Speak, Memory»). Данное место, конечно, одна из частей составной картины, которая должна подойти для места о «цветной спирали в стеклянном шарике», на что Набоков тут же и обращает внимание: «И вот теперь я стою и держу этот обрывок самоцветности, не совсем зная, куда его приложить [...]». Однако упоминание «игры в агатики» находит приложение и к более широкой картине, за пределами книги — к той сцене в первой части «Поисков утраченного времени» Пруста, где Жильберта дарит юному Марселю на Елисейских полях один из таких «блестящих агатовых шариков», которые кажутся ему необыкновенными: «Они были прозрачные и текучие, словно сама жизнь» (перевод А. Франковского).

⁵⁷ Круг, к которому ведут пути, а также что-либо, расположенное по кругу.

ние месяцы. Этот край, с его рассыпанными среди грандиозных лесов и болот деревнями, был населен скудно, однако множество старинных путей (таинственные тропы, опутывающие всю империю с незапамятных времен) не давали собирателям ягод, странникам и очаровательным барчукам сгнить в чащобе. И поскольку эти пути и опушки, которыми и через которые они проходили, оставались безымянными, помещицы семьи из поколения в поколение придумывали им названия, закреплявшиеся за ними под влиянием французских гувернанток и наставников во время ежедневных детских прогулок и частых пикников — *Chemin du Pendu*, *Pont des Vashes*, *Amerique*⁵⁸ и тому подобные.

Автор «Убедительного доказательства» — и по приятному совпадению автор мемуаров «Когда сирень цвела» — были старшими из пятерых детей. Но в отличие от г-жи [Браун], Набоков совсем немного рассказывает о двух своих братьях и двух сестрах, родившихся соответственно в 1900, 1911, 1902 и 1906 годах. Мощная сосредоточенность на собственной личности — акт нестигаемой артистической воли — неизбежно влечет за собой определенные последствия, и упомянутое мною обстоятельство, без сомнения, одно из них.

С разрешения автора позволю себе упомянуть некоторые из моих случайных встреч с его родственниками. Кузен Набокова⁵⁹, также гражданин нашей страны, рассказал мне однажды, что сестры Набокова и его младший брат в юности с поразительной легкостью сочиняли лирические стихи, разделяя эту способность с бесчисленными другими русскими юношами и девушками своего поколения. Как-то в начале 20-х годов (возможно это было в 1923 году) на литературном вечере в Праге друг Франца Кафки,⁶⁰ даровитый чешский переводчик Достоевского и Розанова, указал мне на мать Набокова, маленькую седую женщину в черном, ря-

⁵⁸ Дорога повешенного, Коровий мост, Америка.

⁵⁹ Николай (Николас) Дмитриевич Набоков (1903–1978), русский и американский композитор, музыкальный критик, организатор фестивалей, друг Сергея Прокофьева и Игоря Стравинского, автор мемуарной книги «Багаж» (1975) и других сочинений.

⁶⁰ Так в тексте, оставлено место для слова из шести-семи букв. О ком именно из окружения Кафки идет речь, сказать затруднительно (вполне возможно, что Набоков намеревался поместить вымышленное имя), однако стоит отметить 1) что в указанный год (1923) Набоков в Праге сочинял «Трагедию господина Морна», посещал литературные вечера и встречался с Цветаевой; 2) что Достоевского и Розанова Набоков ставил одинаково невысоко; 3) что после издания в 1891–1922 гг. в Чехии большого переводного собрания сочинений Достоевского, он стал широко обсуждаться в чешской критике и оказывать влияние на чешскую литературу; и 4) что сам Кафка в письме к Ф. Бауэр в 1913 г. признался в чувстве «кровного родства» с Достоевским.

дом с которой сидела девушка с прозрачными глазами и сияющей кожей лица — сестра Набокова Елена. В тридцатые годы, живя в Париже, я как-то свел знакомство с братом Набокова Сергеем: несмотря на то, что разница между ними составляла меньше года, они, кажется, с раннего детства жили каждый своей жизнью, посещали разные школы и окружали себя собственными друзьями. Когда я познакомился с Сергеем, он вел образ жизни человека, плывущего по течению в гедонистическом тумане среди космополитической монпарнассской толпы, так часто изображавшейся определенным пошиба американскими писателями. Его лингвистический и музыкальный таланты совершенно растворились в собственной ему праздности. У меня есть основания полагать, что его детство не было таким же счастливым, как детство его старшего брата — любимца родителей. Обвиненный в англо-саксонских симпатиях, Сергей, человек с виду изнеженный, но прямодушный и бесстрашный, был арестован нацистами и погиб в лагере смерти в 1944 году.

На прекрасных страницах «Когда сирень цвела», предаваясь своим самым ранним воспоминаниям, г-жа [Браун] упоминает ощущение надежности мира, в котором сбор кленового сока или выпекаемый матерью именинный пирог были всегдашними и неизменными вещами, столь же привычными и дорогими для современных новоанглийских патрициев или филаделфийских князьков, сколь и для их простоватых, тяжело трудившихся предков двумя-тремя поколениями ранее. Мир набоковского прошлого, напротив, наполнен уникальной атмосферой светлой хрупкости, ставшей одной из главных тем его книги. С великой пронизательностью Набоков отмечает необъяснимые предчувствия грядущих утрат, овладевавшие им в детстве, тем самым еще усиливая, быть может, его прелесть. В его петербургской детской на видном месте висела маленькая цветная картина «в сочной шутливой английской манере, в какой писались охотничьи сцены и тому подобное, что так подходит для составных картинок»; на ней с подобающим юмором была изображена семья французского дворянина в изгнании: заросшая маргаритками поляна и еще корова вдалеке под синим небом, и толстый пожилой дворянин в крапчатом от солнца камзоле и рыжих штанах, уныло сидящий на табурете для дойки, пока его жена и дочки занимают себя развешиваньем на веревке белья разных изысканных оттенков. В набоковском имении родители автора, как если бы они вернулись после многих лет путешествий, указывали на милые памятные знаки, спрятанные в недосягаемом, но каким-то чудом всегда присутствующем прошлом. На кипарисовых аллеях крымских парков (по которым Пушкин прогуливался за сто лет перед тем) молодой Набоков развлекал и дразнил свою подругу, знавшую толк в романтической литерату-

ре, комментируя свои поступки или замечания в той мечтательной и слегка жеманной манере, в какой его спутница, как подразумевалось, могла бы много лет спустя написать свои мемуары (в стиле воспоминаний о Пушкине): «Набоков любил черешни, особенно спелые»; или: «У него была привычка шуриться, глядя на заходящее солнце»; или: «Мне памятен один вечер, мы лежали на дернистом берегу — —» и так далее, — игра была довольно глупой, но теперь она кажется не такой уж глупой, когда и ей нашлось место в общем узоре предсказанных потерь, в трогательных попытках удержать обреченные, уходящие, нежно умирающие подробности жизни, которая силится, отчаянно и безнадежно, размышлять о себе в терминах будущей ретроспективы.

Когда весной 1917 года грянула революция, Набоков-старший стал членом Временного правительства, а позже, когда верх взяла большевистская диктатура, вошел в другое недолговременное правительство на все еще свободном юге России. Группы либералов и некоммунистических социалистов, в которых состояли эти русские интеллектуалы, разделяли основные положения западных демократов, однако образованные американцы наших дней, получившие представление о русской истории из коммунистических или прокоммунистических источников, попросту ничего не знают об этом периоде. Большевицкие историки, разумеется, замалчивали дореволюционную демократическую борьбу, произвольно искажали и преуменьшали ее значение, осыпая ее грубой пропагандистской бранью («реакционеры», «приспешники», «рептилии» и т.п.); схожим образом советские журналисты наших дней называют удивленных американских чиновников «фашистами». Удивляться следовало еще тридцать лет тому назад.

Читатели «Убедительного доказательства» обратят внимание на странное сходство между нынешним отношением к Советской России бывших американских ленинистов и удрученных сталинистов и теми маргинальными взглядами русских интеллектуалов, что отстаиваются эмигрантскими газетами на протяжении последних тридцати лет, прошедших после большевицкого переворота, — т.е. как раз все то время, в которое наши восторженные радикалы трубили о своем восхищении Советами. Приходится признать, что эмигрантские публицисты или значительно опередили свое время в понимании истинного духа и неизбежной эволюции советского режима, или обладали интуицией и прозорливостью, граничащими с чудом.

Мы живо представляем себе школьные годы г-жи Браун. Иное дело — «Убедительное доказательство», в котором автор ничего не сообщает нам о занятиях, которые он несомненно должен был посещать. Покинув Россию в самом начале советской эры, Набоков завершил свое образование в Кембридже. С 1920 по 1940-й он

жил в разных городах и странах Европы, по большей части в Берлине и Париже. Между прочим, любопытно сопоставить довольно тягостное впечатление Набокова от Берлина межвоенной поры с относящимися к тому же времени, но куда более лиричными воспоминаниями г-на Спендера (пару лет тому назад напечатанными в «Partisan Review»), в особенности то место, где он говорит о «безжалостной красоте немецких юношей»⁶¹.

Описывая свою литературную деятельность во время вольного европейского изгнания, г-н Набоков прибегает к удручающему приему говорить о себе в третьем лице, как о «Сирина» — литературный псевдоним, под которым он известен до сих пор в небольшом, но высококультурном и уникальном мире русских эмигрантов. Но это и не удивительно, поскольку фактически прекратив карьеру русского писателя, он вправе обсуждать книги Сирина отдельно от собственных. Вместе с тем, может показаться, что истинное желание Набокова состоит в том, чтобы изобразить на создаваемой им картине самого себя или, по крайней мере, свою самую ценную сущность, что напоминает нам те проблемы «объективности», которые ставятся философией науки. Наблюдатель создает детальнейшую картину вселенной, но, закончив, сознает, что в ней чего-то не хватает — его самого. Тогда он помещает в нее и самого себя, но — опять-таки — «самость» остается внешней по отношению к миру и т.д., в бесконечной череде проекций, вроде тех реклам, которые изображают девушку, держащую в руках собственный портрет, на котором она держит в руках свой портрет, на котором она тоже держит портрет — и лишь грубость печати не позволяет разглядеть его. Следует сказать, что Набоков пошел дальше и под маской Сирина вывел третью персону по имени Василий Шишков. Поступок этот стал следствием его десятилетней вражды с самым одаренным эмигран-

⁶¹ В этом журнале были выпусками напечатаны воспоминания известного английского поэта и эссеиста Стивена Спендера (1909–1995), друга Николая Набокова, композитора и кузена писателя. Часть из них, под названием «Оксфорд и Германия», появилась в том же номере (1949, vol. XVI, № 9), что и рассказ Набокова «Первое стихотворение», ставший затем гл. 11 его автобиографии (а кроме того, в нем были напечатаны рассказ Борхеса «Эмма Цунц» и «Философия и наука» Ясперса). За год до того в этом журнале вышла глава из воспоминаний Спендера, в которой он описывает пляж в Груневальде схожим с «Даром» образом, особенно отмечая «почти совершенно нагих загорающих, лежащих на кремнисто-серой траве» и далее следуют слова о немецких юношах. Ирония Набокова заключается в том, что «лиричное» место о немецких юношах у Спендера имеет прозаичное продолжение: «Безжалостно красивые немецкие юноши, обнимающие своих одутловатых девиц» (*Spender Stephen. The Life of Literature // Partisan Review. 1948. Vol. XV. № 12 (December). P. 1325 по сквозной пагинации журнала*).

рантским критиком Георгием Адамовичем, который сперва отверг, затем неохотно признал и наконец расхвалил вместе с другими счастливо цветущую сирийскую прозу, но продолжал отмахиваться от его поэзии. При азартном содействии редактора журнала, Набоков-Сирий явился на его страницах под именем Шишкова. В один из августовских дней 1939 года Адамович, рецензируя в парижской русской газете «Последние новости» шестьдесят девятый номер ежеквартального журнала «Современные Записки» (также выходившего в Париже), бурно восхитился стихотворением Шишкова «Поэты», высказав мнение, что под занавес в русской эмиграции все же наконец появился великий поэт. Осенью того же года в «Последних новостях» Набоков подробно изложил свой воображаемый разговор с «Василием Шишковым». Ошеломленный, но все еще не сдающийся Адамович в своем ответе позволил себе усомниться в том, что стал жертвой розыгрыша, и прибавил, что, впрочем, Сирий довольно изобретателен, чтобы симитировать и вдохновение и гениальность, много превосходящие его, Сирина, собственные возможности⁶².

Очень скоро после этой истории Вторая мировая война положила конец русской литературной жизни в Париже. Боюсь, я не могу поверить до конца автору «Убедительного доказательства», когда он, вспоминая те годы, подчеркивает свое абсолютное безразличие к критике, уничижительной или лестной. Как бы там ни было, в его собственных статьях проступает порой нечто отвратительное, оградительное, а иногда и довольно вздорное.

Как нам узнать сокрытую в словах великую тайну? Нам известно, что иностранцу как правило недоступно совершенное, естественное понимание их сути. Его жизнь не протекала с младенчества в тихом впитывании и бессознательном изучении языка, он не чувствует, как один век, с его словесностью, устной традицией и общепринятой манерой общения, перетекает в другой. В прекрасных, сострадательных, напряженно-женственных поисках в королевстве прошлого у г-жи Браун одной заботой меньше, чем у Набокова. Конечно, русский автор с детства воспитывался английскими гувернантками и три года учился в Англии. Приводить случай Конрада, говоря об английских романах Набокова («Истинная жизнь Севастьяна Найта» и «Под знаком незаконнорожденных»), значит упускать главное в достижениях последнего: Конрад, чей стиль, как к нему ни относиться, представляет собой лишь коллекцию уважаемых клише, не имел за плечами двадца-

⁶² Подробнее об этом см.: *Бабилов А.* Продолжение следует. Известные стихи Набокова под маркой «Василий Шишков» // Звезда. 2012. № 7. С. 198–223; *Маликова М.* Фантомный парижский поэт Василий Шишков // Русская литература. 2013. № 1. С. 191–210.

тилетнего упорного труда на ниве польской литературы, когда он начал карьеру британского писателя. Набоков же, прежде чем перейти на английский, написал несколько романов и множество рассказов по-русски и несомненно занял прочное место в русской литературе, несмотря на то, что его книги запрещены у него на родине. Единственное сближение между ними усматривается лишь в том, что оба могли бы вместо английского с тем же успехом избрать французский. Собственно, первая попытка Набокова сочинять на другом языке вылилась во французский рассказ («*Made-moiselle O*»), написанный в середине 30-х годов. Жан Полан⁶³ напечатал его в журнале «*Mesures*», английская же версия, из которой автор выполол большую часть вымысла, появилась в «*The Atlantic Monthly*» и вошла в сборник «Девять рассказов». В новой, пересмотренной и расширенной редакции, из которой были искоренены последние ростки фантазии, рассказ в окончательном виде занял свое место в книге как ее пятая глава. У меня сохранились давнишние воспоминания о набоковской лекции на отличном французском, прочитанной им на *soirée littéraire*⁶⁴ — в 1937-м, кажется, году, в парижском концертном зале. Венгерская писательница, теперь забытая, но тогда бывшая весьма модной, чей французский роман стал бестселлером (что-то о кошке-рыболове⁶⁵), была приглашена выступить на том вечере, но за несколько часов до начала известила, что прийти не может. Габриэль Марсель, один из организаторов этих вечеров, в последнюю минуту уговорил Набокова заменить ее и выступить с французской лекцией о Пушкине (позднее опубликованной в «Нувель ревю франсез»). Лекторскому *acte gratuite* (как очаровательно г-н Оден смешал мужской род с женским⁶⁶) предшествовало забавное движение, вроде водоворота среди публики. Венгерская колония, купившая билеты, была представлена в полном составе, однако, узнав о замене, частично покинула зал. Другие пребывали в блаженном неведе-

⁶³ Французский писатель (1884–1968), главный редактор «Нувель ревю франсез».

⁶⁴ Литературный вечер (фр.).

⁶⁵ Роман эмигрировавшей во Францию венгерской писательницы Йоланды Фолдеш (1902–1963) «Улица кошки-рыболова» (*rue de Chat-qui-Pêche* — самая узкая улица Парижа), описывающий жизнь эмигрантов в Париже в 20-х гг., был написан не по-французски, а по-венгерски, переведен на английский (а затем еще на двенадцать языков) и издан в Лондоне в 1936 г. Французское издание вышло в 1937 г.

⁶⁶ Правильно *acte gratuit* — поступок без причины и цели. У Одена это выражение с ошибкой (теперь во всех изданиях исправленной) встречается в эссе «*Augustus to Augustine*» (1944) и других. Набоков отметил эту ошибку также в письме к Джейсону Эпстайну 22 апреля 1957 г. (*Nabokov V. Selected Letters*. P. 217).

нии. Большая часть французов также удалась. За кулисами венгерский посланник, приняв Набокова за мужа писательницы, бешено тряс его руку. Спешно созданные русские эмигранты делали все возможное, чтобы заполнить еще сильнее поредевший зал. Поль и Люси Леон, верные друзья Набокова, как особого гостя, привели Джеймса Джойса. Весь первый ряд занимала венгерская футбольная команда⁶⁷.

Теперь г-ну Набокову должно быть странно вспоминать литературные превратности своей молодости. Он с женой и сыном живет в Америке, став ее гражданином, и живет, судя по всему, счастливо под видом безвестного университетского профессора литературы, посвящающего свои долгие летние вакации ловле бабочек в западных штатах. Среди лепидоптерологов он снискал славу слегка эксцентричного таксономиста с интересами скорее аналитическими, чем синтетическими. Он опубликовал несколько своих открытий по части новых видов или разновидностей бабочек в научных американских журналах; другие энтомологи его именем называли бабочек и мотыльков — научная традиция, которая производит, кажется, неизгладимое впечатление на светских репортеров. Собранные Набоковым экземпляры хранятся в Американском музее естественной истории и в Гарвардском музее сравнительной зоологии, где я имел возможность увидеть несколько крохотных ночниц, относящихся к удивительно многообразному виду, открытых Набоковым в горах Уосатч, штат Юта, в 1943 году. Одну из них Макдано назвал *Eupitecia nabokovi*⁶⁸ — восхитительное разрешение той тематической серии в «Убеди-

⁶⁷ Ср. описание этого выступления в письме Набокова к жене от 12 февраля 1937 г.: «[...] вчерашнее *matinée* было удачей из моих выступлений (хотя народу было не больше 150 человек, — и толпы местных венгерцев возвращали в кассу билеты). [...] Был, между прочим, Джойс; мы с ним очень мило поговорили. Он крупнее ростом, чем я думал, с ужасным свинцовым взглядом: одним глазом уже не видит вовсе, а зрачок другого (который он наставляет на тебя особенным манером, так как не может им вращать) заменен дыркой, причем эту операцию делали шесть раз, пока не удалось пробуровать зрачок, не вызывая кровотечения» (указ. источ.). Появление Джойса на том вечере объясняется, по-видимому, не только желанием поддержать коллегу, который должен был выступать в полупустом зале (см.: *Ellmann Richard. James Joyce. New and Revised Edition. New York et al.: Oxford University Press, 1982. P. 699*), но и тем обстоятельством, что его секретарь, русский эмигрант Польш Леон (Павел Леопольдович Леон, 1893–1942), рассматривал Набокова как возможного русского переводчика «Улисса» — проект, серьезно обсуждавшийся еще в 1933–1934 гг.

⁶⁸ Ср.: «Другие берега», шестая гл., подглавка 6. Джеймс Макдано (1877–1962), энтомолог из Оттавы, Онтарио, которому Набоков послал пойманный им экземпляр пяденицы, получившей номенклатурное название *Eupithecia nabokovi* McDunnough, 1945.

тельном доказательстве», которая посвящена страстному желанию Набокова в детские годы поймать неизвестного представителя именно этого семейства.

Мне, по-видимому, придется остановиться и на некоторых технических особенностях этой книги. Набокову не удалось избежать определенных трудностей в транслитерации русских слов. Чтобы быть последовательным, ему следовало писать Tolstoj (что рифмуется с «домой»), Dostoevskij, Nevskij и т.д., а также Chehov вместо Chekhov. Однако, он предпочел оставить хорошо известные имена в привычном написании (последовательно, впрочем, используя «i» в окончаниях), всюду ставя «у» (единственное исключение «Yalta») для весьма специфического звука, полу-і, полу-и, не имеющего эквивалента в Западной Европе, где «i» или «j» могли бы вступить в противоречие с традиционным словоупотреблением.

Двенадцать глав «Убедительного доказательства» были напечатаны в «Нью Йоркере» — и здесь рецензент, которому оказались известны обстоятельства публикации, хотел бы дать кое-какие пояснения. Прежде всего, сравнение журнальной публикации с настоящим изданием показывает, что в ряде случаев (это относится в первую очередь к главам III, VI, X и XII) по ходу подготовки книги Набоков добавлял новый материал, как например экскурсии в историю его предков, неурядицы во время ловли бабочек в Европе, вставки в рассказе о Поленьке, и множество новых деталей его жизни в Санкт-Петербурге и на Крымской ривьере. Помимо этого, к тому же, во всех двенадцати главах находим разные другие изменения, также связанные с более или менее основательной переделкой всего текста.

Менее значительные расхождения между настоящим изданием и журнальным текстом проистекают из авторских замен тех нескольких слов и выражений в различных местах, которые были исключены — с его вынужденного согласия — редакторами «Нью Йоркера», исходившими из стандартов «семейного журнала» (речь идет о концовке третьей подглавки главы X), или в силу того, что они пессимистично полагали, будто редкое слово может озадачить не слишком искушенного читателя. В этих случаях Набоков сдавался далеко не всегда, что привело к нескольким пыльным схваткам. Некоторые из них, как например Битву Пальпериальной Ночи, Набоков проиграл. В других победил.

Наконец, остается еще вопрос грамматической точности. Редактирование такого рода, да, впрочем, и любого другого, Набоков считал бы чудовищным оскорблением в былые времена, когда «Современные Записки» просили у Сирина позволения внести изменение в какое-либо из его русских предложений. Но как англоязычный писатель Набоков никогда не чувствует себя впол-

не уверенно. При всей стремительности и смелости его английского, он нередко допускает солицизмы, порой довольно странные, учитывая его общую искушенность. Посему незначительные улучшения, предложенные редакторами «Нью Йоркера» — исправление инверсии, подпорка для неловко повисшего термина, разделение одного длинного предложения на два коротких, ритуальное преобразование «which» в «that» — кротко и благодарно принимались г-ном Набоковым. Но какие бывало возникали стычки, ежели редакторы ненароком нарушали драгоценный ритм, или неверно толковали аллюзию, или старались заменить существительным каждое «он», «она» и «мы», забредавшие в следующий абзац, заставляя рядового читателя чесать в средних размеров затылке. А еще — вот более специальный пример — вспоминается дело Пропавшего Антецедента⁶⁹, длившееся долго, приводившее к новым стычкам, в ходе которых г-н Набоков, анти-антецедентист с большим опытом, часто терпел поражения, но одержал и несколько отборных побед.

Может показаться, что в самом начале сотрудничества Набокова с «Нью Йоркером» редакторские попытки прояснить кажущиеся двусмысленности и выровнять его прозу были более частыми и менее последовательными, чем на поздней стадии. Со стороны автора слышались страдальческие стоны и глухое ворчание о бессмысленности этих стараний потрафить журнальным вкусам. Мало-помалу, впрочем, редакторский отдел убедился, что усилия по сооружению прочного моста, соединяющего две мысли, которые у Набокова разнесены на превышающее привычное для сознания окраинного пассажира расстояние, при всей их благонамеренности оказывались тщетны, поскольку автор принимался с еще большим усердием разрушать или переносить или маскировать этот мост, который по его мнению лишь портил вид.

Читателю, однако, следует показать и другую сторону дела. Редакторские замечания сопровождалась исключительной доброжелательностью, деликатностью и любовным вниманием. В тех нескольких случаях, когда от Набокова твердо требовалось внести изменения, ему для оценки предлагались словесные заготовки, причем подразумевалось, что Набоков самостоятельно переделает вызвавшее возражение редакторов место. После одобрения сочинения, автор мог отвергать любые предложения замен или изъятий. Пояснения или добавления, нередко запрашиваемые главным редактором, г-ном Россом («Сколько именно ванн комнат было в доме?»), приводили к появлению новых прелестных строк. Ка-

⁶⁹ Здесь: предшествующая единица высказывания, с которой соотносится последующая единица, поясняющая местоимения, местоименные наречия, имена существительные, расположенные в первой части.

тарина Уайт, состоявшая с автором в переписке по всем этим вопросам и взявшая на себя бесконечные хлопоты по проверке каждого дефиса и запятой, а также по умиротворению его взрывного нрава, сделала все возможное, чтобы проза Набокова осталась невредимой. Великолепным свидетельством гармоничного согласия между автором и редактором служит то обстоятельство, что Набоков ревностно принял большую часть предложенных поправок в отношении своего порывистого синтаксиса, а кроме того перешел на прекрасную «закрытую» систему пунктуации «Нью Йоркера». Наконец, последнее, но немаловажное замечание: чудный исследовательский отдел «Нью Йоркера» несколько раз спасал Набокова — сочетающего изрядную долю рассеянности, если позволительно так сказать, с педантизмом — от разного рода ошибок: в именах, датах, названиях книг и т.п. Он нередко бывал не согласен с находками этого отдела, что влекло за собой занятные обмены письмами. Один из вопросов касался дымовой трубы атлантического лайнера «Champlain». Набоков отчетливо помнил, что она была белого цвета. Наш эксперт снесся с французской пароходной компанией, которая заверила его, что «Champlain» в 1940 году не имел маскировки и труба его была окрашена в обычные красно-черные цвета. Набоков ответил, что согласен оставить описание вовсе без эпитета, но ничто не заставит его поменять цвет, который он запомнил с небывалой отчетливостью. Ведь могло же так случиться, что военные в Сен-Назере перекрасили трубу, не ставя в известность руководство «Французских линий» в Нью-Йорке?

Я отвел столько места обсуждению отношений Набокова с «Нью Йоркером», поскольку полагаю, что читателям следует знать положение вещей, чтобы прийти к собственному выводу. Ключевой вопрос авторской неприкосновенности едва ли может возникнуть, когда редактор способен доказать автору, что у его любимого питомца, фигурально выражаясь, шерсть стоит дыбом — т.е. что лелеемое им предложение грамматически неверно и должно быть приглажено в произведении, которое журнал намерен приобрести. В свою очередь журнал может недооценить способности своего среднего читателя по пониманию аллюзий, иносказаний, умолчаний — и в этих случаях, я убежден, автору не следует сдаваться, какие бы финансовые неприятности ни последовали.

Уравновешенность и вкус Барбары Браун, чистота и простота ее стиля, журчащего, как ручеек в Новой Англии — качества, которыми автор «Убедительного доказательства» не обладает. Не могут не раздражать некоторые особенности набоковской манеры: его обыкновение использовать термины, которые малоизвестные ученые придумывают для неизвестных болезней, его склон-

ность к любительской эзотерике, его метод транслитерации (он использует одну систему — корректную — для передачи русской речи, а другую — состоящую из компромиссов — для передачи имен); или такие его причуды, как неожиданное введение шахматной задачи (не указывая верного хода — слон на...). Почитатели Набокова, впрочем, возразят, что автор «Алисы в Зазеркалье» на самом фронтисписе поместил блестящую шахматную задачу, которой, конечно, немногие из его маленьких читателей могли бы насладиться.

Еще одно, что несомненно покоробит определенного типа читателей (выше среднего класса в культурном отношении) — это взгляд Набокова на таких писателей как Фрейд, Манн и Элиот, которых традиция и приличные манеры учат уважать наряду с Лениным и Генри Джеймсом⁷⁰. Онейроманию и мифоблудие психоанализа Набоков осыпает резкими шутками с далеких 20-х годов. Томаса Манна он помещает в подгруппу Жюль-Ромена-Роллана-Галсворти⁷¹, где-то между Эптоном и Льюисом⁷², как непочтительно он позволяет себе выражаться (поскольку Ромен математически равен Синклеру⁷³). Он буквально умирает от саркастического смеха, видя как буржуазный критик из этого вышесреднего круга водружает гипсовых Манна и Элиота на один постамент с мраморными Прустом и Джойсом. Немногие люди разделяют его убеждение, будто поэзия Элиота — воплощенная банальность. Как авторитетно замечает где-то г-н Клинт Брукс⁷⁴: «обратил ли

⁷⁰ В декабре 1946 г. Набоков сообщил Уилсону о своем намерении написать эссе «Голый король» о Г. Джеймсе и Т.С. Элиоте (*Nabokov V. Selected Letters*. P. 206).

⁷¹ Совмещены имена двух французских писателей, Жюль Ромена (1885–1972), автора огромного, в 27 томах романа «Люди доброй воли», и Нобелевского лауреата (1915) Ромена Роллана (1866–1944), которого Набоков иронично помянул и в «Лолите», хотя в юности перевел его «Кола Брюньона» («Николка Персик»). Джона Голсуорси (1867–1933), Нобелевского лауреата 1932 г., Набоков назвал в «Лолите» (именуя его «Галсворти») «посредственным, давно окаменевшим писателем».

⁷² Набоков не раз обыгрывал сходство имен Эптона Синклера (1878–1968), американского публициста и писателя левого толка и Синклера Льюиса (1885–1951), автора множества романов и первого американского Нобелевского лауреата по литературе (1930).

⁷³ Вероятно, Набоков иронизирует над огромным количеством написанного и тем и другим.

⁷⁴ Американский литературовед (1906–1994), один из основоположников школы новой критики. Рассматривал поэзию как особую форму знания, разработал понятие органической формы в учебных антологиях «Понимание поэзии», 1938, «Понимание прозы», 1943. Автор множества книг и работ об авторах, которых Набоков считал дутыми величинами: Хемингуэе, Фолкнере, Элиоте и др.

Элиот внимание на этот пассаж (что-то о работе несчастной г-жи Уэстон), намеревался ли ответить ей, изнасилование женщины — это *очень хороший символ* (курсив мой) процесса секуляризации[«]. Боюсь, Набоков лишь старается казаться остроумным, замечая, что широкий успех последней пьесы Элиота⁷⁵ того же порядка, что «зутизм⁷⁶, экзистенциализм и титоизм»⁷⁷, и, несомненно, все те, чья муза, урожденная Элиотович, так хрипло кричащая в малотиражных журнальчиках, горячо согласится с тем, что называть Т. С. Э. «Уолли Симпсон американской литературы»⁷⁸, попросту означает щеголять дурным вкусом. Мы не сказали еще о его презрении к Достоевскому, заставляющему русских содрогаться, а ученых величайших американских университетов возмущенно протестовать. Быть может, иммунитет Набокова к сентиментальным культам американских критиков, сохранившимся по сей день с 20–30 годов, объясняется тем, что в эти годы он не прошел стадии *Zeitgeist*⁷⁹, поскольку мир русского аскетичного изгнания был

⁷⁵ Комедия «Коктейльная вечеринка» (1949), представляющая собой переделку «Алькесты» Еврипида. Модное пристрастие к адаптации приемов греческой драмы на современной сцене Набоков критиковал в лекциях 40-х гг. «Советская драма» и «Трагедия трагедии».

⁷⁶ Имеется в виду «zoot suit style» — от англ. zoot (искаженное suit — костюм) — шляпа, длинный, до колен пиджак и мешковатые брюки — популярный в 40-е гг. в Чикаго, Гарлеме и Детройте стиль, подражающий манере джазовых исполнителей.

⁷⁷ Титоизм — коммунистическая идеология, носящая имя югославского диктатора Броз Тито (доктрина самоуправления рабочих коллективов и проч.), противопоставившего ее официальной сталинской идеологии.

⁷⁸ У Набокова «Wally Simpson», должно быть «Wallis Simpson». Ирония в том, что Элиот (1888–1965), недавно (1948) получивший Нобелевскую премию по литературе, уподоблен Бесси Уоллис Симпсон, ради женитьбы на которой Эдуард VIII отрекся в 1936 г. от престола. Пара не раз обвинялась в нацистских симпатиях после ее визита в Германию в 1937 г. и встречи с Гитлером. В антисемитизме и профашистских симпатиях упрекался и Элиот (см.: *Ricks Ch. T.S. Eliot and Prejudice. L.; Boston: Faber, 1988*), особенно после его поддержки Эры Паунда в половине 1940-х гг. Уподобление уехавшего в Англию Элиота дважды разведенной светской диве, очаровавшей английского короля, может показаться невинной шалостью в сравнении с более поздней набоковской анаграммой его имени: T.S. Eliot = toilets. Утверждение М. Маликовой и Дж. Трезьяк о том, что здесь «Набоков вступает в диалог с эссе Элиота “Идеальный критик”», в котором он «дает характеристику “импрессионистической критики” Уоллеса Симпсона [?], в большей степени приложимую к самому Набокову» (Сквозняк из прошлого // Звезда. 1999. № 4. С. 91), подхваченное и другими, следствие ошибки, поскольку Элиот в этой работе пишет об англ. поэте и критике Артуре Саймонсе (Symons) и *его* «импрессионистической критике».

⁷⁹ Дух времени. Идеи, ценности и направления, доминирующие в данной культуре в определенный период.

совершенно чужд модным тенденциям «Века джаза» и «Просперити»⁸⁰.

При всех своих недостатках «Убедительное доказательство» все же остается выдающимся достижением. Книга эта и есть «убедительное доказательство» по отношению ко многим вещам, среди которых самой убедительной оказывается мысль о том, что наш мир не так уж плох, как кажется. Г-на Набокова следует поздравить с тем, что он создал труд столь же выдающийся, сколько и необходимый. На полке ценителей его воспоминания станут в один ряд с «Детством» Льва Толстого, «Литургией» Т.С. Элмана⁸¹ и «Когда сирень цвела» Барбары Браун, к рассмотрению которой мы теперь и приступим.

[апрель–май 1950 г.]

Литература

- Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011.
- Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. СПб.: Симпозиум, 2010.
- Бойд Б.* «Блудный огонь» Владимира Набокова. Волшебство художественного открытия / Перевод с англ. С. Швабрина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
- Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Васильева Е.В.* Автобиографическая проза В.В. Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memory!» <sic!>: история создания, художественная и жанровая специфика. Диссертация на соискание ученой степени к. ф. н. Томск, 2005.
- Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004.
- Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Маликова М., Трезьяк Джоанна.* Сквозняк из прошлого // Звезда. 1999. № 4.
- Маликова М.* Набоков: Авто-био-графия. СПб.: Академический проект, 2002.
- Набоков В.* Переписка с сестрой. Анн Арбор: Ардис, 1985.
- Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5.
- Набоков В.* Взгляни на арлекинов! / Перевел и снабдил прим. А. Бабилов. Изд. 4-е, уточн. и доп. СПб.: Азбука, 2016.

⁸⁰ Процветание — так назывался период экономического подъема США после Первой мировой войны.

⁸¹ В оригинале роман назван «Amen Corner» — место в протестантской церкви для особенно истовых прихожан. Как было отмечено в 1999 г. участниками дискуссии на электронном форуме NABOKV-L по поводу публикации 16 главы «Убедительного доказательства», Т.С. Elmann представляет собой контаминацию имен двух Нобелевских лауреатов — Томаса Манна и Т.С. Элиота. Последний, автор «Убийства в соборе» (1935) и «Идеи христианского общества» (1939), не раз заявлял о своем кредо убежденного католика и после переезда в Лондон и перехода в англиканство, стал старостой прихода кенсингтонской церкви св. Стефана.

Набоков В. Лолита. Сценарий / Перевод с англ. А. Бабикова. Изд. 2-е., доп. СПб.: Азбука, 2017 (в печати).

«Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., пред., комм. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина / Сост. В.Е. Аллой, Т.Б. Прилькина. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2000.

Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Публ., комм. Р. Янгирова // Диаспора. Новые материалы. [Вып.] I. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2001.

Письма Владимира и Веры Набоковых к Михаилу и Татьяне Карпович (1933–1959) / Публ., прим. А. Бабикова (в печати).

Цивьян Т.В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подорож» // Из работ московского семиотического круга / Сост. Т. Николаева. М.: Языки русской культуры, 1997.

Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

Boyd B. *Stalking Nabokov. Selected Essays.* New York: Columbia University Press, 2011.

Couturier M. *La figure de l'auteur.* Paris: Seuil, 1995.

Diment G. Vladimir Nabokov and the Art of Autobiography // Nabokov and His Fiction. New Perspectives / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 1993.

Diment G. Nabokov's biographical impulse: art of writing lives // The Cambridge Companion to Nabokov / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 2005.

Nabokov V. *Selected Letters (1940–1977)* / Ed. by D. Nabokov and M.J. Brucoli. Harcourt Brace Jovanovich. San Diego et al, 1989.

Nabokov V. *Novels and Memoirs 1941–1951* / Ed. by Brian Boyd. New York: The Library of America, 1996.

Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited* / Ed. by Brian Boyd. New York et al.: Alfred A. Knopf. Everyman's Library, 1999.

Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971 / Ed. by S. Karlinsky. California University Press: Berkeley et al, 2001.

Nabokov V. *Letters to Vera* / Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd. New York: Knopf, 2015.

Nivat G. *Speak, Memory* // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. Ed. by V.E. Alexandrov. New York: Garland, 1995.

The New York Public Library / Berg collection. Nabokov's papers / Letters to Elena Ivanovna Nabokov.

References

Barabtarlo G. *Sochinenie Nabokova* [Nabokov's Writing]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2011. (In Russ.)

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody* [Vladimir Nabokov. The American years]. Saint-Petersburg, Symposium Publ., 2010. (In Russ.)

Boyd B. *Stalking Nabokov. Selected Essays.* New York, Columbia University Press, 2011.

Boyd B. «*Blednyi ogon'*» *Vladimira Nabokova. Volshebstvo khudozhestvennogo otkrytiia* [Vladimir Nabokov's "Pale Fire". The Magic of Artistic Discovery]. Per. s angl. S. Shvabrina. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2015. (In Russ.)

Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Subjects of Russian Literature]. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. (In Russ.)

Couturier M. *La figure de l'auteur.* Paris: Seuil, 1995.

Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971. Ed. by S. Karlinsky. California University Press, Berkeley et al, 2001.

Diment G. Vladimir Nabokov and the Art of Autobiography. In: *Nabokov and His Fiction. New Perspectives.* Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 1993.

Diment G. Nabokov's biographical impulse: art of writing lives. In: *The Cambridge Companion to Nabokov.* Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 2005.

Dolinin A. *Istinnaja zhizn' pisatelja Sirina* [The Real Life of Sirin the Writer]. Saint-Petersburg, Akademicheskii proect Publ., 2004. (In Russ.)

«Drebezhanie moikh rzhavykh russkikh strun...» Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1940–1967) [Rattling of my rusty Russian strings. From the correspondence between Vladimir and Véra Nabokov and Roman Grinberg (1940–1967)]. Publ., pred., komm. R. Jangirova. In *memoriam. Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina.* Sost. V.E. Alloï, T.B. Pritykina. Saint-Petersburg–Paris, Phoenix–Atheneum, 2000. (In Russ.)

Druz'ja, babochki i monstry. Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1943–1967) [Friends, butterflies and monsters. From the correspondence between Vladimir and Véra Nabokov and Roman Grinberg (1940–1967)]. Publ., pred., komm. R. Jangirova. *Diaspora. Novye materialy.* I. Saint-Petersburg–Paris: Feniks–Atheneum Publ., 2001. (In Russ.)

Levin U.I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetika. Semiotika]. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. (In Russ.)

Malikova M., Trez'jak Dzhoanna. Skvoznjak iz proshlogo [A Draft From the Past]. *Zvezda*, 1999, no 4, pp. 81–91. (In Russ.)

Malikova M. *Nabokov: Avto-bio-grafija* [Nabokov: Auto-bio-graphy]. Saint-Petersburg, Akademicheskii proect Publ., 2002. (In Russ.)

Nabokov V. *Selected Letters (1940–1977).* Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. Harcourt Brace Jovanovich. San Diego et al, 1989.

Nabokov V. *Novels and Memoirs 1941–1951.* Ed. by Brian Boyd. New York, The Library of America, 1996.

Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited.* Ed. by Brian Boyd. New York et al., Alfred A. Knopf. Everyman's Library, 1999.

Nabokov V. *Letters to Véra.* Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd. New York, Knopf, 2015.

Nabokov V. *Perepiska s sestroi* [Correspondence with his sister]. Ann Arbor, Ardis, 1985. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t.* [Collected works: in 5 vol.]. Sost. N.I. Arteminko-Tolstoi. Saint-Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 5. (In Russ.)

Nabokov V. *Vzgljani na arlekinov!* [Look at the Harlequins!]. Per. s angl., prim. A. Babikov. Izd. 4, utochn. i dop. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2016. (In Russ.)

Nabokov V. *Lolita. Stsenarii* [Lolita: A Screenplay]. Per. s angl. A. Babikov. Izd. 2, dop. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2017 (in print). (In Russ.)

Nivat G. *Speak, Memory. The Garland Companion to Vladimir Nabokov.* Ed. by V.E. Alexandrov. New York: Garland, 1995.

Pis'ma Vladimira i Very Nabokovykh k Mikhailu i Tatiane Karpovich (1933–1959) [Vladimir and Véra Nabokov's letters to Michael and Tatiana Karpovich (1933–1959)]. Publ., prim. A. Babikova (v pečati). (In Russ.)

Tziv'jan T.V. O structure vremeni i prostranstva v romane Dostoevskogo «Podrostok» [On the Structure of Time and Space in Dostoevskij's "The Raw Youth"]. *Iz pabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [From the works of the Moscow semiotic circle]. Sost. T. Nikolaeva. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. (In Russ.)

Shraer M.D. *Bunin i Nabokov. Istorija sopernichestva* [Bunin and Nabokov. The History of a Rivalry]. 2-e izd. Moscow, Al'pina nonfiction Publ., 2015. (In Russ.)

Vasil'eva E.V. *Avtobiograficheskaia proza V.V. Nabokova «Conclusive Evidence», «Drugie berega», «Speak, Memory!» <sic!>: istoriia sozdaniia, khudozhestvennaia i zhanrovaia spetsifika* [V.V. Nabokov's autobiographic prose "Conclusive Evidence", "Other Shores", "Speak, Memory": the history of composing, particularity of artistic and genre]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni k. f. n. Tomsk, 2005. (In Russ.)

Resourceful Mnemosyne

Archival materials to the Nabokov's Autobiography

Andrei A. Babikov

Abstract: This publication of Vladimir Nabokov's archival materials presents annotated Russian translation of two discarded texts: the introduction to «Conclusive Evidence» (1951) when the title was «The House Was Here» and the last chapter of «Conclusive Evidence», written in the form of review on it. The article considers the history of the Nabokov's autobiography from the early reminiscences of nineteen-thirties «It is Me» and till the last Russian novel «The Gift» (1938) and the last English one «Look at the Harlequins!» (1974), which is an artistic version of the continuation of his memoirs. The article justifies the idea that Nabokov's refusal to include the last chapter in the book was his main decision regarding the entire project. Collected in the article, the numerous tentative titles of the book are also extremely important for its study.

Keywords: Vladimir Nabokov's memoirs, archival materials, translation into Russian, autobiographic narration, composition of the memoirs, «Conclusive Evidence», «Speak, Memory», «Other Shores», «Look at the Harlequins!»

Information about author: Andrei A. Babikov (Moscow, Russia), independent scholar, specializing in Russian émigré literature. E-mail: andreybabikov1@gmail.com